

Цена 4 руб.

10-40208

Ак Р

ИНСТИТУТ ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СССР

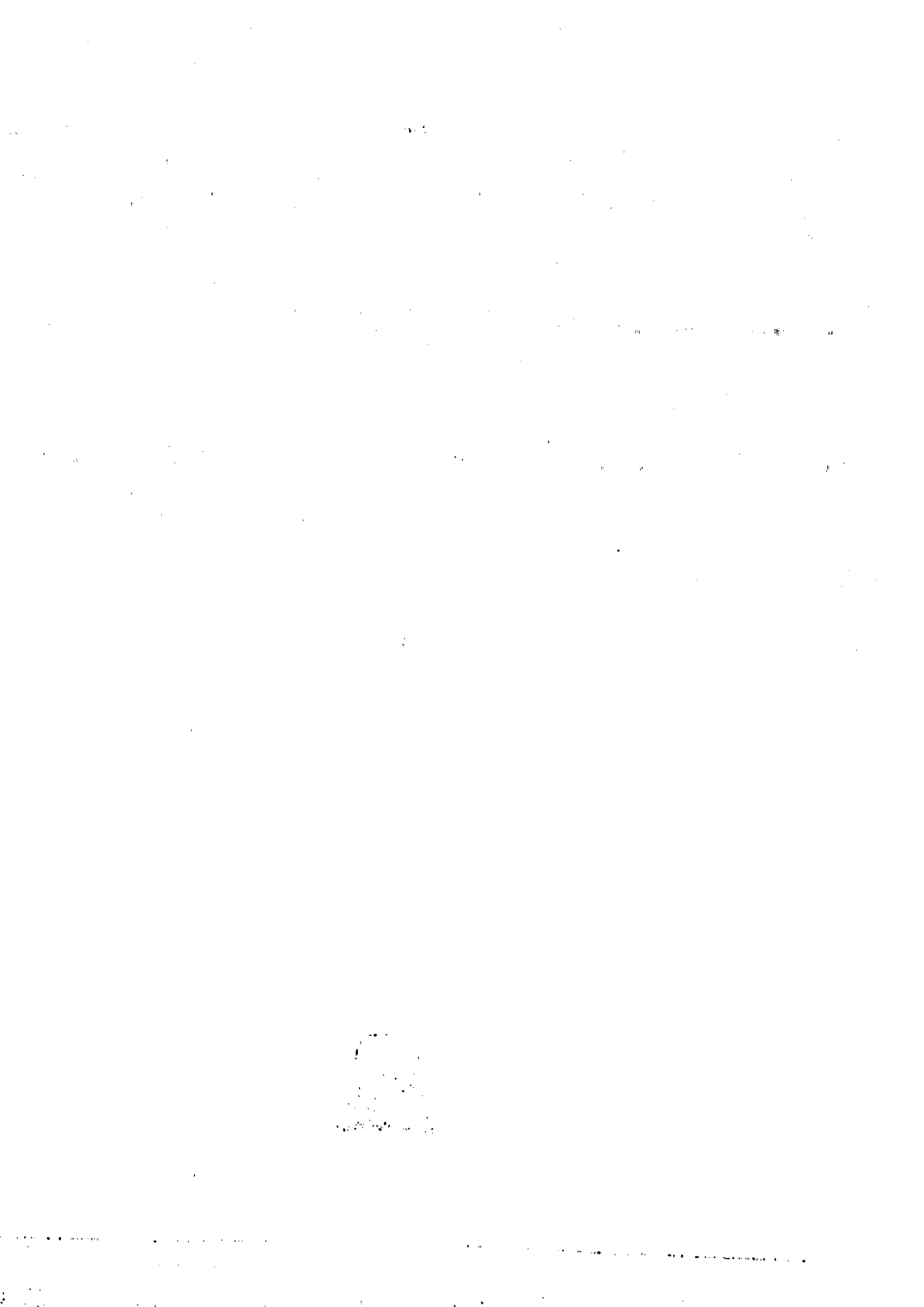
Проф. А. Н. ТРАЙНИН

**УГОЛОВНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ГИШЛЕРОВЦЕВ**

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Н К Ю С С С Р

Москва - 1944

Профессор А. Н. ТРАЙНИН

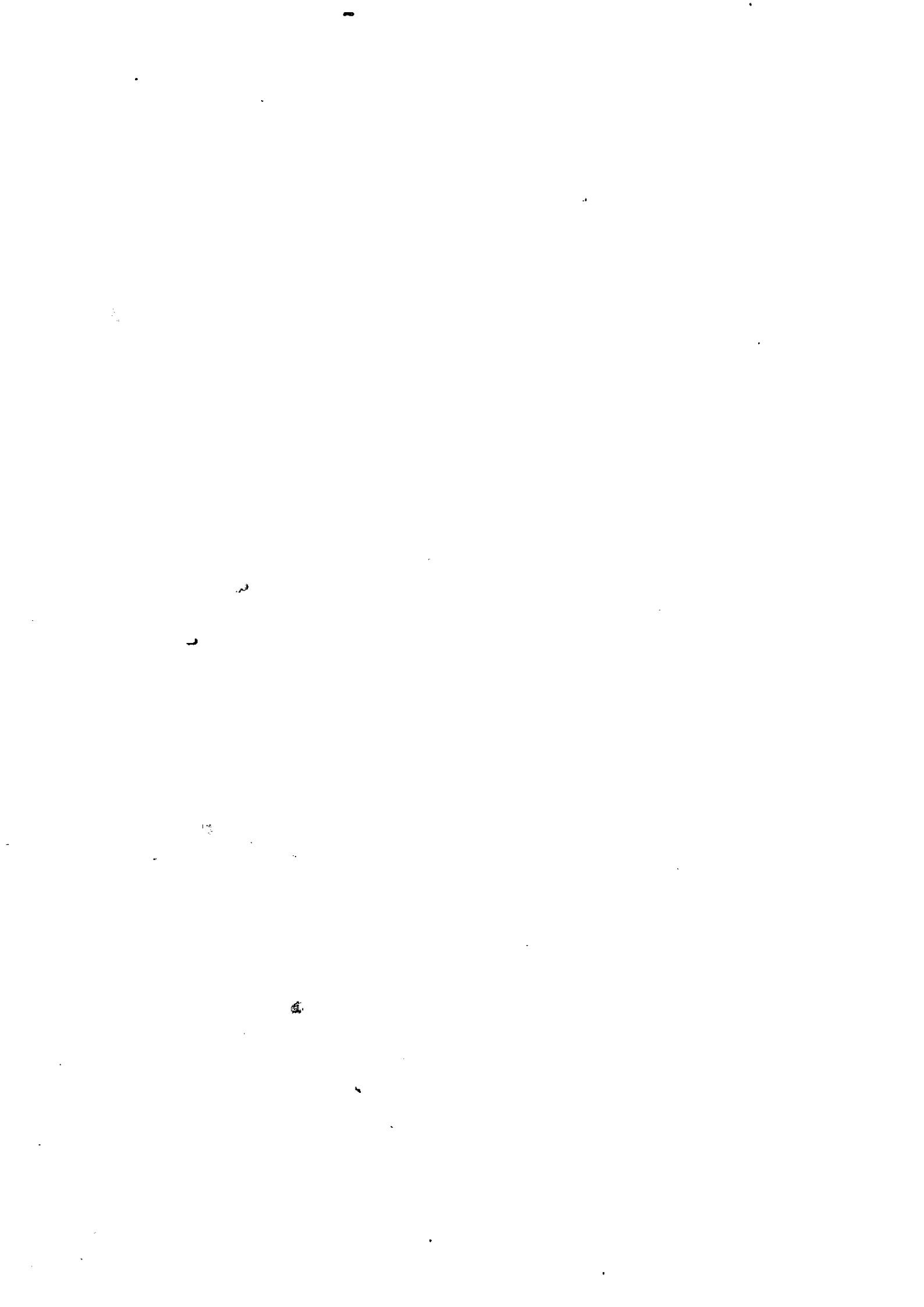
УГОЛОВНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ГИТЛЕРОВЦЕВ

*Под редакцией
академика А. Я. ВЫШИНСКОГО*

ЕВ_1944_AKS_1152

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР

Москва—1944

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

I

Война, в которую ввергла мир гитлеровская Германия, является одним из величайших потрясений в истории человечества. История знает кровопролитные войны, унесшие миллионы человеческих жертв; однако настоящая война, её масштабы, методы ведения её гитлеровцами совершенно исключительны. «Гитлеровская армия, — указывается в ноте тов. В. М. Молотова от 6 января 1942 г., — ведёт не обычную войну, а войну разбойничью, преследующую цели истребления миролюбивых народов, стоящих на пути преступного стремления немецких фашистов к господству над другими народами, над всем миром».

Чудовищная особенность гитлеровских методов ведения войны заключается в том, что огромные, миллионные массы людей, вооружённые по последнему слову техники, планомерно и организованно занимаются бандитскими налётами, истребляют население захваченных территорий, грабят и разрушают города и сёла, расхищают и уничтожают культурные ценности народов.

Для того чтобы восстановить произведенные гитлеровцами разрушения, потребуются долгие и напряжённые усилия всего человечества. Эти усилия могут быть плодотворными только в том случае, если конец этой войны станет концом всех посягательств на независимость, свободу, на самое существование и культурное развитие всех народов.

На рубеже двух эпох — окончания второй мировой войны и завоеванного свободолюбивыми народами мира — должен быть заложен незыблемый фундамент международных отно-

шений и международного сотрудничества на основе договора, который, несомненно, будет договором необычного типа, как необычна война, которая должна им завершиться. Подготовка к такому мирному договору — огромная и сложная задача.

При разрешении этой задачи не последнее место должно принадлежать криминалистам: ряд документов важнейшего политического значения свидетельствует, что в тот момент, когда свободолюбивые народы предъявят свой окончательный счёт поверженной в прах гитлеровской Германии, среди многих и сложных послевоенных проблем неотвратимо возникнет также проблема уголовной ответственности за совершённые гитлеровцами злодеяния. Среди этих документов первенствующее значение имеет, подписанная товарищем Сталиным декларация от 4 декабря 1941 г., провозгласившая принцип «наказания гитлеровских преступников».

В первой ноте товарища Молотова от 25 ноября 1941 г., сообщавшей о зверствах германских войск, всем правительствам, с которыми Советский Союз имеет дипломатические отношения, указывается: «Советское правительство... возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей на преступное гитлеровское правительство Германии». В ноте товарища Молотова от 27 апреля 1942 г. с той же определённой заявляется: «Гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершённые против народов СССР и против всех свободолюбивых народов».

Новое заявление советского правительства от 14 октября 1942 г. придавало вопросу об уголовной ответственности гитлеровской клики особое значение, исключительную важность. В этом заявлении говорится: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии».

В соответствии с позицией Советского Правительства в вопросе об уголовной ответственности гитлеровцев за совершённые ими чудовищные преступления на советской земле Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября

1942 г. была образована «Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Указ устанавливает, что за все «чудовищные преступления, совершаемые немецко-фашистскими захватчиками и их соучастниками, и за весь материальный ущерб, причинённый ими... преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности».

Требования о предании суду и наказании гитлеровских преступников выдвигаются и поддерживаются всеми свободлюбивыми народами. В опубликованной специальной декларации представители Бельгии, Чехословакии, Национального Комитета Свободной Франции, Греции, Люксембурга, Голландии, Норвегии, Польши и Югославии объявили о своей твердой решимости осуществить «наказание путём организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти преступления (насилия над гражданским населением.— А. Т.), независимо от того, совершены ли последние по их приказу ими лично или при их соучастии в любой форме»¹.

Далее, в заявлении Рузвельта, сделанном в августе 1942 г., указывается: «Справедливость требует, чтобы они (немецко-фашистские захватчики.— А. Т.) получили предупреждение о том, что придёт время, когда они должны будут предстать перед судом в тех самых странах, которые они сейчас угнетают, и нести ответ за свои деяния».

В речи на сессии палаты общин 8 сентября 1942 г. Черчилль сказал: «Когда в Европе пробьёт час освобождения, а он неизбежно пробьёт, он явится также часом возмездия. Я хотел бы особенно подчеркнуть безоговорочное присоединение английского правительства и палаты общин к торжественным словам, недавно произнесенным президентом Соединённых Штатов — те, кто виновен в нацистских преступлениях, предстанут перед трибуналами тех стран, где совершались их зверства, с тем, чтобы это послужило суровым предостережением для будущих веков и чтобы последующие по-

¹ «Известия», 15 января 1942 г.

колениа людей могли заявить — погибнут все, кто вновь совершит подобное»¹.

Заявления отдельных правительств и руководителей свободолубивых народов нашли свое выражение также в декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля, опубликованной в Москве 2 ноября 1943 г. — ровно через год после образования Чрезвычайной Государственной Комиссии. В этом историческом документе главы правительств трёх крупнейших государств антигитлеровской коалиции провозглашают: «В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобождённых стран и свободных правительств, которые будут там созданы»².

Вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев за совершённые ими злодеяния имеет таким образом огромное значение; он приобрёл исключительную актуальность, так как чудовищные злодеяния гитлеровских палачей возбудили жгучую и неуголимую ненависть, жажду сурового возмездия в сердцах всех честных людей мира, в миллионных массах всех свободолубивых народов. К этому вопросу должно быть, естественно, приковано пристальное внимание теоретиков и практиков уголовного права.

II

Проблемы международного уголовного права, к сожалению, разработаны чрезвычайно скудно: нет чёткого теоретического определения основного понятия международного уголовного права — международного преступления, не создана стройная система институтов международного уголовного права.

В литературе все проблемы международного уголовного права сводятся обычно к одной — к вопросу о подсудности. В специальной монографии «Das internationale Strafrecht» Роланд следующим образом определяет предмет междуна-

¹ «Правда», 20 декабря 1942 г.

² «Правда», 2 ноября 1943 г.

родного уголовного права: «Международное уголовное право имеет своим содержанием учение о действии уголовных законов государства в пространстве». Вся монография в соответствии с этим посвящена разработке вопросов подсудности — универсальной, территориальной, персональной, реальной.

Некоторые авторы к вопросам подсудности добавляли вопрос о выдаче преступников и других формах взаимопомощи государств в борьбе с общеуголовными преступлениями¹.

В 1910 г. вопросами международного уголовного права одновременно занимались две крупнейшие международные ассоциации юристов того времени: Международный союз криминалистов в Брюсселе и Международный пенитенциарный конгресс в Вашингтоне. Однако и эти ассоциации не разрабатывали основных проблем международного уголовного права (понятия международного уголовного преступления, его наказуемости и т. д.); они рассматривали те же вопросы выдачи преступников, силы приговора и т. д.².

Мировая война 1914—1918 гг. потрясла до основания существовавшие до неё международные отношения. Уже тогда были выявлены многочисленные случаи грубейшего нарушения Германией законов и обычаев войны. Это, естественно, усилило интерес к проблемам международного уголовного права; в различных странах стали периодически созываться международные конференции по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. Такие конференции состоялись в 1926 г. в Брюсселе, в 1927 г. в Варшаве, в 1931 г. в Париже и т. д. На них обсуждались и некоторые проблемы международного уголовного права, как, например, проблема борьбы с терроризмом. Однако с точки зрения

¹ Как, например, Коркунов в статье «Конструкция международного уголовного права», «Журнал гражданского и уголовного права», 1889, январь. В «Исследовании о выдаче преступников» (1882 г.) А. Штиглиц ещё более ограничивал проблему. Автор писал: «Самый простой вид правонарушения, имеющего международный характер, есть побег лица, совершившего какое-либо правонарушение в одном государстве, в другое с целью скрыться от преследования и таким образом избежать наказания за совершение преступления» (стр. 1).

Вопросам подсудности и выдачи преступников посвящена работа Вага, в которой эти вопросы разработаны очень обширно („Das internationale Privat- und Strafrecht“, 1862, S. 504—607).

² См. П. И. Люблинский, «Вопросы международного уголовного права на съездах криминалистов» («Известия министерства иностранных дел», 1912, кн. 2).

политической и по замыслу организаторов этих конференций (румынского профессора Пелла и др.) они на деле имели целью не борьбу с действительными международными преступлениями, а организацию своеобразного единого уголовного фронта против Страны Советов. Теоретические успехи унификационных конференций оказались исключительно скромными¹.

Весьма слабая разработка проблем международного уголовного права — явление, конечно, не случайное. Его источники кроются в общем характере международно-правовых отношений в эпоху империализма.

Политика агрессивных империалистических верхов, ставивших под постоянную угрозу дело мира, политика, систематически открывавшая широкий простор насильственным действиям в сфере международных отношений, естественно, не могла способствовать развитию и укреплению международного права как системы норм, ограждающих свободу, независимость и суверенность народов.

Было бы, однако, глубоким заблуждением делать из этого факта общий вывод о несвоевременности или бесплодности выдвижения проблем международного уголовного права: это означало бы не замечать сложности и многосторонности процесса развития международных отношений.

Ещё за несколько лет до начала Великой отечественной войны А. Я. Вышинский, касаясь проблем международного уголовного права, писал: «...Не утопичной ли является задача создания международного уголовного кодекса или, по крайней мере, утверждение какой-либо системы интернациональных преступлений, т. е. преступлений, требующих совместного, согласованного, единодушного, обязательного для всех международного реагирования в целях борьбы с ними и преодоления их? Не утопичной ли является задача создания такой системы в условиях нынешних международных отношений, насыщенных электричеством поднимающейся военной бури, напряжённых до предела, подогреваемых хищными вождельниками всяких международных разбойников?»².

На эти вопросы А. Я. Вышинский дал совершенно определённые ответы: «Несмотря, действительно, на чрезвычайные

¹ Подробно см. нашу работу «Уголовная интервенция», 1935.

² См. предисловие к нашей работе «Защита мира и уголовный закон», 1937, стр. 4.

трудности международной обстановки, несмотря на разброд в рядах сторонников идеи международного уголовного кодекса, на попытки — упорные и длительные попытки — значительной части буржуазных юристов помешать привлечению уголовно-правовых средств к участию в борьбе за мир, несмотря, наконец, на упорные старания реакционных и, в первую очередь, фашистских юристов, исполняющих волю своих хозяев, подменить борьбу за мир борьбой против демократии, против коммунизма и следовательно, и против мира, уголовный закон должен быть поставлен на страже мира, должен быть мобилизован против войны и против поджигателей войны».

Так, на основании анализа международной обстановки, писал А. Я. Вышинский в 1937 г., до событий второй мировой войны, до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, до превращения Гитлером войны в организованный бандитизм. Следовательно, уже тогда необходимо было учитывать не только одну тенденцию исторического процесса — столкновение империалистических интересов, дневной разбой в области международных отношений и беспомощность международного права, тенденцию, отражающую политику агрессивных государств в эпоху империализма. Необходимо было учитывать и другую, параллельную и противоположную ей тенденцию — борьбы за мир, свободу и независимость народов, тенденцию, в которой отражена политика нового могучего международного фактора — социалистического государства трудящихся СССР. Великая отечественная война придала последней тенденции исключительный размах и огромную силу. В этом факте — огромная политическая победа СССР и всех свободолюбивых народов, в этом факте — крупное политическое и моральное поражение гитлеризма.

Советский Союз постоянно и неизменно выступает в роли защитника суверенности и равноправия великих и малых государств. В ходе второй мировой войны ценою огромных жертв и глубочайших потрясений свободолюбивые народы всё более приходят к признанию необходимости построить после разгрома гитлеризма международные отношения на этих защищаемых Советским Союзом основаниях.

Свободолюбивые народы провозгласили, что они «уважают право всех народов избрать себе форму правления и стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в

экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение».

Заключённый 26 мая 1942 г. «Договор между СССР и Соединённым Королевством в Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» в ст. 3 устанавливает: «1. Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своём желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии. 2. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе».

Эти положения были торжественно подтверждены в «Декларации четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности», провозглашённой в Москве 30 октября 1943 г. В этой декларации правительства Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая совместно заявляют:

«... 4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства—большие и малые.

5. Что они будут консультироваться друг с другом и, по мере того, как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединённых Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.

6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооружённых сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации.

7. Что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединённых Наций, в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период».

И как ранее, в период разгула империалистического хищничества, шаткость международно-правовых принципов служила тормозом развития системы мер борьбы с нарушениями международного права, так теперь, наоборот, упрочение правовых основ международного общения должно последовательно вести к усилению борьбы со всеми элементами, держащими путём обмана, террора и бредовых идей опрокинуть международный правовой порядок. Поэтому существует неразрывная органическая связь между начавшимся строительством нового здания международно-правовых отношений и постановкой борьбы с гитлеровскими злодеяниями, с международными преступлениями агрессоров.

Идя навстречу этим веяниям, всемерно облегчая процесс развития и укрепления новых начал, отражающих постоянную политику Союза ССР, советская юридическая мысль обязана выковать правовую форму новых отношений, разработать систему международного права и неразрывно связанную с этой системой, повелительно диктуемую совестью народов проблему уголовной ответственности за посягательства на основы международного общения.

Конечно, самый вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев за учинённые ими злодеяния ни в какой степени не является «проблемой»: указания товарища Сталина, декларации по этому вопросу Советского Союза и декларации всех других свобододолюбивых народов совершенно категорически устанавливают, что гитлеровцы должны понести и понесут суровую ответственность за свои злодеяния.

Пример того, какой будет эта ответственность, дал Советский Союз, пригвоздив к позорному столбу перед лицом советского народа и всех других свобододолюбивых народов гитлеровских душегубов, разоблачённых на харьковском судебном процессе и заплативших жизнью своей за совершённые ими злодеяния. Приговор суда, этот акт высокой справедливости, смертью покаравший гитлеровских преступников, прозвучал на весь мир как грозное доказательство решимости борющихся за свою свободу и независимость народов не только довести эту борьбу до конца, но и сурово расправиться

с немецко-фашистскими палачами и душегубами. Этот приговор воодушевил народы других стран, получивших в актах советской юстиции подтверждение того, что ожидающее гитлеровских злодеев возмездие не останется одной лишь угрозой, но волей народов претворится в суровое, но справедливое действие.

Приговор по харьковскому процессу встретил сочувственные отклики за границей. Так, газета «Альте Ретабликен» писала 21 декабря 1943 года:

«Три немца и один русский, осуждённые военным трибуналом, повешены в Харькове. Во время оккупации они творили преступления против гражданского населения, которые ничем нельзя искупить.

Этим самым Советский Союз, осуществляя на деле предостережения, которые делают объединённые нации преступниками войны, дал ещё раз полезный пример.

Гитлеровский фашизм обрушил на мир ужасную и безжалостную войну, войну истребления. В некоторых странах, как Греция, Польша и Россия, уничтожение населения подчас носило систематический характер. В других странах, как, например, во Франции, нацизм старался прикрыться видимостью цивилизованного образа действий; лозунгом нацистов было снискать популярность корректной манерой поведения. Но, когда стала совершенно очевидной враждебность французов к попытке сотрудничества, когда выгоды этой попытки оказались исчерпанными или недоступными, варварство взяло верх. Земля Франции покрылась тысячами трупов, казнённых патриотов, заложников, взятых наобум, детей, умерших от нищеты.

Много спорят о том, смогут ли эти справедливые наказания обуздать отвратительные злодеяния. Некоторые полагают, что возмездие ничем не поможет, что оно только возбудит бешенство палачей. Но речь идёт не о возмездии, — речь идет о справедливости. Нет большего поощрения преступлений, чем безнаказанность, так как убийцы надеются, что после окончательной победы угрозы могут остаться без результатов. Сейчас, когда разгром Германии очевиден даже для немцев, перспектива общей и индивидуальной ответственности, естественно, заставляет задуматься хотя бы часть преступников.

Однако такая перспектива рисуется гитлеровским злодеям при условии, если им хорошо известно, что за предостереже-

ниями последуют действия. Таким образом казнь четырёх в Харькове является актом бóльшей добродетели в этом отношении, чем пустые угрозы, произносимые в тысячах докладов. Рядом с тремя убийцами из вторгнувшейся армии ещё один — четвертый — получил наказание за вину. Это — изменник, русский, который пошёл на службу к палачам своей страны. Это обстоятельство также является ценным примером. Мы не должны его забывать, думая о французских патриотах, которых сейчас пытаются палачи из гестапо и петэновские эсэсовцы».

Серьёзнейшая задача и почётный долг советских юристов — дать требованию возмездия за совершённые гитлеровцами злодеяния правовое воплощение.

В интересах последовательного освещения этого вопроса необходимо прежде всего остановиться на исторических прецедентах — на опыте борьбы с преступлениями германских войск в первую мировую войну.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ И ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

I

Германия уже в войнах, предшествовавших нынешней, неизменно применяла «стратегию» жестокостей и разрушений.

«... Всеобщее негодование, — писал Маркс о поведении немцев в франко-прусской войне 1870 г., — вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников...»¹.

Энгельс, касаясь франко-прусской войны 1870 г., писал: «Бомбардировка города (Страсбурга.—А. Т.), имеющего независимую цитадель, командующую над ним, сама по себе является бессмысленной и бесполезной жестокостью... Немцы говорят, что им необходим немедленный захват города по политическим соображениям. Они намерены удержать его за собой после заключения мира. Но если это так, то бомбардировка, жестокость которой не имеет себе равной, была не только преступлением, но и грубейшей ошибкой. В самом

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 80.

деле, прекрасный способ путём поджогов и убийств множества жителей разрывными снарядами добиваться симпатий жителей города, обречённого на аннексию!»¹.

«Факт таков, — говорит в другом месте Энгельс, — что зверства и жестокости пруссаков вместо подавления народного сопротивления удвоили его энергию...»².

По мере развития алчной, хищнической природы германского империализма и роста истребительной военной техники кровожадные и разрушительные «пруссаческие» тенденции германского империализма принимали всё большие и большие размеры. Ещё в 1900 г., задолго до первой мировой войны, Вильгельм II выразил эти тенденции в циничном обращении к германским солдатам, отправлявшимся на китайский фронт:

«Когда вы столкнётесь, то помните — пощады не давать, пленных не брать. Кто попадёт вам в руки, должен погибнуть. Как тысячу лет тому назад гунны под предводительством короля Атиллы создали своё имя, которое всё ещё делает их страшными в традиции и истории, так пусть и имя «немцы» станет в Китае через вас таким знаменитым, что и через тысячу лет ни один китаец не осмелится косо взглянуть на немца».

Прошло 14 лет — и разбойничий лик германского империализма приобрёл ещё более резкие очертания. В письме к австрийскому императору Францу-Иосифу, написанном в первые дни войны 1914—1918 гг., Вильгельм II писал: «Всё должно быть утоплено в огне и крови, необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков, нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими террористическими методами, единственными, которые способны устрашить такой выродившийся народ, как французы, война будет окончена менее чем в два месяца, в то время как, если я приму во внимание гуманные соображения, война продлится несколько лет»³.

Рекомендованные Вильгельмом преступные — а правильнее сказать, бандитские — методы ведения войны 1914—1918 гг. были широко использованы на практике. Как теперь, так и в 1914—1918 гг. грабежи, разрушения, поджоги и убий-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 89; Энгельс, Заметки о войне, т. XVII, стр. 89.

² Энгельс, Военная обстановка во Франции, стр. 191.

³ Газета „Figaro“, 20 января 1919 г.

ства делались по распоряжению военных начальников¹. Проф. Бедье, изучивший большое число дневников, найденных у немецких солдат, на основании этих свидетельств самих немцев рисует картину систематических злодеяний, совершавшихся немцами в войну 1914—1918 гг.² Специальные следственные комиссии, образованные в те годы в Бельгии, Франции, Англии, России, расследовали и установили многочисленные случаи убийств, истязаний мирных граждан, военнопленных и раненых, разрушений частных и общественных зданий.

Председатель образованной тогда в России Чрезвычайной следственной комиссии сенатор Кривцов начинает свой отчёт о злодеяниях германских полчищ в Калише следующими словами: «Как в фокусе стекла, собраны здесь «подвиги» германских войск: их расстрел мирных жителей, увод в плен священнослужителей, чиновников, их издевательства над личностью, грабежи имущества мирного населения солдатами и офицерами, изнасилование женщин, девочек и другие злодеяния, в корне опровергающие понятие о совести, о нравственности наших соседей, кичащихся именем носителей высшей культуры»³.

Уже в 1914—1918 гг. немцами практиковался принудительный увод мирных жителей в Германию⁴, уже тогда они брали заложников⁵. В отчётах бельгийской следственной комиссии особо подчёркиваются преднамеренность и систематичность немецких злодеяний: «Что глубоко поражает в этих злодеяниях, это тот факт, что они не являются актами изолированными. Жестокости повторялись, оставляя кровавый след по всем провинциям. Они представляют собой преднамеренное осуществление системы, одинаково противной го-

¹ William Loubat, „Le droit des gens et la guerre 1914“, „Revue politique et parlementaire“, 1915, t. LXXIII, P. 31.

² Bedier, „Les crimes allemands d'après des témoignages allemands“, 1915.

³ Тетрадь 7, 1916 г., стр. 1.

⁴ A. Mérignac, „De la sanction des infractions du droit des gens“, „Revue générale de droit internat. publique“, 1917, janvier-février, p. 262.

⁵ Приводим текст одного из объявлений немецкого командования этого периода в г. Намюре (Бельгия): «Все улицы будут заняты немецкой стражей, которая уведет по 10 заложников с каждой улицы. Если на улице будет совершено нападение, 10 заложников будут расстреляны». („Rapports sur la violation du droit des gens en Belgique“, 1915, p. 23).

лосу совести и формальным положениям международного права»¹.

Версальский договор и неразрывно связанные с ним Сен-Жерменский и Нейский договоры не прошли мимо применявшихся Германией разбойничьих методов ведения войны в 1914—1918 гг. Вопросу об уголовной ответственности за преступления, совершённые Вильгельмом и его соратниками, была специально посвящена седьмая часть — «Санкции» — Версальского договора. «Союзные и объединившиеся державы, — говорилось в ст. 227 Версальского договора, — предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров. Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты... Суд будет судить по мотивам, внушённым высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали. Ему будет надлежать определить наказание, которое, по его суждению, должно быть применено. Союзные и объединившиеся державы обратятся к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим». Ст. 228 Версальского договора предусматривала право союзных и объединившихся стран предавать военному суду и других лиц, сподвижников кайзера, виновных в совершении действий, противных законам и обычаям войны.

К приведенным статьям Версальского договора были весьма близки положения Сен-Жерменского мирного договора, заключённого с Австрией 10 сентября 1919 г., и Нейского договора, заключённого с Болгарией. Так, ст. 173 Сен-Жерменского договора гласила: «Австрийское правительство признаёт за союзными и объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Предусмотренные законами наказания будут применены к лицам, признанным виновными. Это постановление будет применяться независимо от всяких процессов или преследований в суде Австрии или её союзников». В обоих договорах — Сен-Жер-

¹ „La violation du droit des gens en Belgique“, 1915, p. 8. Многочисленные конкретные факты преступлений, совершённых немцами в Бельгии в войне 1914—1918 гг.; см. также „L'Allemagne et le droit des gens“, 1915

менском и Нейском — нет статьи, предусматривающей ответственность Вильгельма. Кроме того, в Сен-Жерменском договоре учтены территориальные изменения в Австрии. «Постановления статей 173—175, — говорится в ст. 176 Сен-Жерменского договора, — применяются равным образом к правительствам государств, которым предоставлены территории, принадлежавшие бывшей австро-венгерской монархии, поскольку то касается лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны, и находящихся на территории или в распоряжении названных государств. Если лица, о которых идёт речь, приобрели гражданство одного из названных государств, то правительство этого государства обязуется принять все необходимые меры, чтобы обеспечить их преследование и их наказание, по просьбе заинтересованной державы и в согласии с нею».

Таким образом Сен-Жерменским договором устанавливалось, что изменение гражданства, т. е. переход из австрийского подданства в другое, не освобождало от уголовной ответственности виновных в нарушении законов и обычаев войны. В этом случае исключалось лишь предание виновных суду заинтересованных государств; их обязано было судить новое государство-отечество. Нейский мирный договор, в первом отделе V части — «Военнопленные и могилы» — дополнительно к VI части, устанавливающей, как и Версальский договор, «санкции», содержит указания на права междусоюзной следственной и контрольной комиссий. Согласно ст. 113 Нейского договора эти комиссии учреждались, в частности, для «констатирования уголовных действий», подпадающих под санкции, предусмотренные в части VI (Санкции) настоящего договора, совершённых болгарами над личностью союзных и объединившихся военнопленных или граждан во время их плена».

Приведенными постановлениями Версальский, Сен-Жерменский и Нейский договоры пытались разрешить наряду с другими сложными проблемами, порождёнными войной 1914—1918 гг., также и необычный в истории международных договоров вопрос об уголовной ответственности руководителей государственной политики и военнослужащих за «высшее оскорбление международной морали» и совершение действий, «противных законам и обычаям войны».

Каковы же были реальные результаты этих попыток?

В ноте от 15 января 1919 г. союзные державы потребовали от Голландии выдачи бывшего германского императора Вильгельма II для суда над ним в порядке и на основаниях, предусмотренных ст. 227 Версальского договора. Нота при этом содержала ссылку на нарушение Вильгельмом международных договоров и высоких принципов международной морали. В ответной ноте Голландия, не возражая против права, справедливости и высоких принципов международной морали, сообщала, что намерена в данном случае руководствоваться законами и традициями своей страны. «По этим законам и традициям, — указывалось в ноте, — Голландия всегда служила убежищем для побеждённых в интернациональных конфликтах лиц. Голландия не видит оснований отступить от этого порядка в деле бывшего германского императора Вильгельма II»¹.

Отказом Голландии был исчерпан вопрос об уголовной ответственности главы германского государства за признанное Версальским договором «высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров». Правда, после сделанного Ллойд-Джорджем в марте 1921 г. заявления, что «основанием всего Версальского договора служит тезис, в силу которого ответственность за войну целиком падает на Германию», в германских националистических кругах распространился слух, будто «экс-кайзер готов принять вызов и предстать для объяснений перед международным трибуналом с целью выяснения вопроса об ответственности за войну»². Однако этот слух оказался «сильно преувеличенным»: Вильгельм и не помышлял покинуть территорию гостеприимной Голландии.

В конце концов торжественно возвещенный Версальским договором международный суд над Вильгельмом II Гогенцоллерном оказался судом, существующим только на страницах этого договора. Подлинный суд над Вильгельмом, повинным в тяжчайших преступлениях войны, не входил в расчеты тогдашних руководителей мировой политики: они были тогда больше заинтересованы в укрощении революционных страстей, с новой силой пробуждённых четырёхлетней империалистиче-

¹ О юридической аргументации Голландии см. ниже в связи с анализом значения принципа „*nullum crimen, nulla poena sine lege*“ (нет преступления, нет наказания, не указанных в законе).

² «Известия», 8 марта 1921 г.

ской бойней, чем в организации суда над императором, виновным в злодейских преступлениях войны.

Столь же безрезультатными были попытки организовать суд над соратниками Вильгельма, также виновными в нарушении законов и обычаев войны. 3 февраля 1920 г. французский премьер-министр Мильеран отправил председателю германской мирной делегации в Париже барону Ленснеру письмо с указанием списка лиц, подлежащих выдаче союзным державам на основании ст. 228 Версальского договора. Англия потребовала выдачи 98 лиц, в том числе адмирала Тирпица, Франция — 344, в том числе Гинденбурга, Бельгия — 51, Румыния — 41, в том числе Макензена, Италия — 39. Всего союзные державы потребовали от Германии выдачи 890 лиц и среди них бывшего рейхсканцлера Бетман-Гольвега, Людендорфа, кронпринца Рупрехта, герцога Вюртембергского и др. Хотя барон Ленснер еще 31 января, за несколько дней до вручения ноты союзников, получил из Берлина категорическое предписание принять и препроводить в Берлин такого рода ноту, если она будет вручена, Ленснер вернул Мильерану письмо.

Параллельно с дипломатическими переговорами в Германии усиленно раздувалось движение против выдачи лиц, названных в списке союзных держав. Официально и неофициально Германия указывала, что для выдачи требуется издание специального закона, для проведения которого в рейхстаге не найдётся большинства. В поисках компромисса Германия приняла 19 декабря 1919 г. закон, устанавливающий порядок ответственности за преступления, связанные с войной. Законом предусматривалось предание Верховному Суду в Лейпциге лиц, виновных в преступлениях войны. При этом заинтересованным державам предоставлялось право участия в этих процессах в качестве наблюдателей.

Усилия Германии не остались бесплодными: державы-победительницы оказались наиболее уступчивыми в вопросах суда и уголовной ответственности.

В ноте от 16 февраля 1920 г. союзные державы сообщили, что «внимательно обдумали представление германского правительства о том, что выполнение статей 227—230 Версальского договора о выдаче обвиняемых немцев повлечёт за собою тяжёлые экономические и политические последствия, способные затруднить выполнение всего договора». Далее в этой

ноте говорилось: «Союзные державы принимают к сведению заявление германского правительства о предании имперскому суду в Лейпциге лиц, повинных в нарушении законов и обычаев войны». Это было явной капитуляцией юстиции держав-победительниц перед немецкими преступниками войны, перед их организаторами, вдохновителями и покровителями. Это означало позорный отказ от суда над преступниками войны, позорный стовор обвинителей и судей с преступниками и подсудимыми. Это было неслыханным по своему цинизму признанием безответственности преступников войны, неслыханным издевательством над многими тысячами людей, павших в этой войне жертвой тягчайших преступлений. Результаты такой «политики», в силу которой немецких разбойников и убийц должны были «судить» сами немцы в своих так называемых судах, не заставили себя долго ждать. Германия ловко использовала создавшуюся ситуацию, правильно рассудив, что в осуществлении действительного суда и наказания державы-победительницы не заинтересованы. Германия не проявляла торопливости и в слушании дел в Лейпцигском имперском суде¹. В марте 1921 г. согласно телеграмме РОСТА из Лондона: «Генерал-прокурор заявил в Палате общин, что до сих пор никто из германских нарушителей права войны не предан Германией суду»². Однако без конца оттягивать рассмотрение таких дел было, разумеется, невозможно, и в мае 1921 г. в Лейпцигском суде, наконец, было заслушано дело бывшего унтер-офицера Гейнена по обвинению в жестоком обращении с английскими военнопленными в Мюнхенском лагере. Особая британская миссия следила за ходом процесса. Гейнен был приговорён к 10 месяцам тюремного заключения³.

Другой «преступник войны» — Мюллер был приговорён к 5-месячному заключению⁴. Вслед за тем было рассмотрено дело о генерале Штенгере, которое слушалось в Лейпциге в присутствии французской миссии 29 июня 1921 г. Генерал Штенгер обвинялся в том, что 16 августа 1914 г. отдал при-

¹ Характерно, что в тот период, когда проводилась работа по организации Лиги наций, побеждённая Германия проповедывала уверенность в слабой стороне. «Интересы слабой стороны столь же священны, как интересы сильнейшей», писали немецкие газеты («Kölnischer Beobachter», 5 января 1918 г.).

² «Петроградские известия», 8 марта 1921 г.

³ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 27 мая 1921 г.

⁴ «Известия», 1 июня 1921 г.

каз о расстреле пленных французских солдат. «С сегодняшнего дня, — предписывал в своём приказе генерал Штенгер, — пленных более не брать. Все пленные, раненые и не раненые, должны быть убиты... После нас не должен остаться ни один живой враг»¹. Несмотря на то, что факт такого гнусного приказа был на суде точно установлен, суд оправдал Штенгера² на том основании, что не было обнаружено письменного приказа о расстреле (Brigadbefehl), хотя наличия устного распоряжения не отрицали и некоторые немецкие свидетели³. После этого Франция отозвала свою миссию из Лейпцига.

Лейпцигский суд разобрал также несколько дел капитанов германских подводных лодок по обвинению их в потоплении госпитальных судов союзников. Капитан подводной лодки Нейман обвинялся в том, что 26 мая 1917 г. торпедировал в Средиземном море английское военное судно, на борту которого находились 632 больных. Председатель суда разъяснил, что «если бы было доказано сознательно противоправное действие Неймана, то налицо был бы состав убийства (Mord)»⁴. Нейман сослался на приказ германского адмиралтейства от 8 апреля 1917 г. топить каждое госпитальное судно, если оно идёт вне определённого русла. Имперский суд оправдал Неймана, как и капитана подводной лодки Кумана, потопившего английское госпитальное судно «Дувр-Касль»⁵.

Дитмар и Вольдт обвинялись в том, что 27 июня 1918 г. по приказу командира подводной лодки торпедировали английское санитарное судно. Суд признал, что судно было «объективно торпедировано с нарушением международного права». Дитмар и Вольдт, кроме того, были признаны виновными в обстреле спасательной лодки, спущенной с потопленного корабля. Оба обвиняемых были приговорены к 4 годам тюремного заключения.

В приговоре по делу Неймана имперский суд указал, что обвинение будет предъявлено чинам германского адмиралтейства, отдавшим приказ топить госпитальные суда. «Полагают, — сообщали «Известия», — что к суду будут привлечены адмирал Гольцендорф и адмирал фон Бенке. Это будет первой

¹ A. Mérignac et E. Lemonon, Droit des gens et la guerre de 1914—1918, t. II, p. 594.

² „Vossische Zeitung“, 7 июля 1921 г.

³ „Le temps“, 5 июля 1921 г.

⁴ „Kölnische Zeitung“, 5 июля 1921 г.

⁵ «Известия», 7 июня 1921 г.

попыткой привлечения «преступников войны» из более высокопоставленных лиц»¹. Однако ссылка на привлечение к ответственности чинов адмиралтейства потребовалась имперскому суду лишь для оправдания капитанов подводных лодок Неймана и Кумана. На деле никто из высших чинов адмиралтейства не был посажен на скамью подсудимых.

Имперский суд разобрал также дела трёх рядовых солдат, которые были осуждены за совершённые в Бельгии грабежи.

Все эти факты совершенно ясно говорят о том, что уголовная ответственность преступников войны в практике международно-правовых и, в частности, уголовно-правовых отношений явилась чистейшей фикцией. На деле никакой уголовной ответственности действительные виновники войны и военно-уголовные преступники не понесли, да и вопрос этот, как видно из его истории, по-серьёзному в первую мировую войну не ставился.

При этом весьма важно отметить, что фактический отказ от уголовного преследования виновников и преступников войны 1914—1918 гг. последовал, несмотря на то, что ряд государственных деятелей Америки и Франции торжественно заявлял о необходимости привлечь к суду и покарать лиц, виновных в тяжчайших преступлениях против человечества. Так, статс-секретарь США Лансинг перед заключением Версальского договора заявил: «Виновники страшного преступления, совершённого против человечества, не будут забыты»². Характерно также заявление Клемансо: «Наша обязанность — превратить победу в триумф человечества»³. В ноте, адресованной Германии, французское правительство писало: «Исполнители и организаторы преступлений будут отвечать морально, уголовно и материально»⁴. В докладах бельгийской следственной комиссии было указано: «Недостаточно пригвоздить к позорному столбу истории виновников жестокостей, которые были совершены: следует установить их личности, привлечь к суду и подвергнуть наказанию, которое их действия заслуживают»⁵.

Злодеяния германских войск в первой мировой войне привлекали внимание и научных конференций. Так, на заседаниях

¹ «Известия», 11 июня 1921 г.

² „Vorwärts“, 13 октября 1918 г.

³ „Nationalzeitung“, 4 октября 1918 г.

⁴ „Le temps“, 6 октября 1918 г.

⁵ „La violation de droit des gens en Belgique“, 1916, № 4, p. 40.

«Société générale des prisons» в 1915 и 1916 гг. неоднократно ставился вопрос об уголовной ответственности за совершённые немецкой военщиной преступления. В специальном обращении к правительствам Антанты эта организация требовала принятия мер к розыску и наказанию лиц, виновных в преступлениях войны, и их соучастников¹.

Однако ни декларации государственных деятелей, ни голос общественного мнения не обеспечили действительного наказания виновных.

Тесное сотрудничество антигитлеровской коалиции — СССР, Англии и США и полное единодушие, с которым три великие державы неоднократно предупреждали немецко-фашистских захватчиков об ожидающей их суровой ответственности, — лучшая гарантия в том, что на этот раз не повторится ошибка победителей в войне 1914—1918 гг. Вся нацистская клика с Гитлером во главе понесет заслуженную кару!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

I

Вопросы международного уголовного права, как было указано выше, разработаны очень скудно². Даже после войны 1914—1918 гг., выдвинувшей огромной важности проблемы об ответственности агрессора, об ответственности за нарушение законов и обычаев ведения войны, юридическая мысль упорно продолжала блуждать в формальных, оторванных от жизни абстракциях. Об этом свидетельствуют преобладающие в международно-правовой литературе разных стран идеи, взгляды, рассуждения. Об этом свидетельствуют раньше всего самые определения понятия международно-уголовного преступления, которые пытаются сконструировать учёные юристы.

¹ „Revue pénitentiaire et de droit pénal“, 1916, № 4, p. 361.

² Подробнее о теориях международного уголовного права см. две наши работы: «Уголовная интервенция», 1936 и «Защита мира и уголовный закон», 1938.

Проф. Пелла дает следующее определение международного преступления: «Международное преступление есть действие или бездействие, обложенное наказанием, провозглашаемым и применяемым именем союза государств». Это так называемое «формальное» определение преступления, хорошо известное национальному уголовному законодательству капиталистических стран, не раскрывает содержания преступного действия, а лишь указывает на отношение государства к каким-то (каким — неизвестно) действиям. Механически перенесенное в область международного уголовного права формальное определение неизбежно оказывается ещё более лишённым реального содержания.

Действительно, в национальном законодательстве существующие кодексы, действующая многолетняя традиция прикрывают пробелы теории и формализм закона: какие именно действия являются по национальному праву преступными, в основном и целом известно из опыта, независимо от специальных определений теории. Совершенно иначе обстоит дело в области международного уголовного права: здесь нет опыта, нет традиций, нет готовых формул преступного и наказуемого. Это — область, куда только начинает проникать уголовный закон, где только начинают складываться понятия преступного.

Какова же здесь теоретическая и практическая ценность формулы «действие или бездействие, обложенное наказанием», если основная задача в данной области прежде всего в том и заключается, чтобы определить, какие именно действия следует считать международными преступлениями и облагать наказанием в порядке особой международной юрисдикции?

В ст. 5 Основных принципов международного уголовного права проф. Пелла писал: «Желательно, чтобы в общей части предварительного проекта международного уголовного кодекса были ясно указаны фактические, моральные и правовые элементы международного нарушения». Разрешима ли в какой бы то ни было мере эта задача, если, придерживаясь формулы того же проф. Пелла, мы будем определять международный деликт как «действие или бездействие, обложенное наказанием, провозглашаемым и применяемым именем союза государств?». Явно неразрешима.

Несколько иным путём, однако также путём, идущим мимо существа проблемы, пошёл проф. Сальдана, по мнению которого, «интернациональным считается деликт, социологический

или антропологический, элементы которого рассеяны среди различных государств и рас». Признак, который Сальдана считает характерным для международного деликта, не относится к категории формальных юридических принципов, предусмотренных уголовным законом: в этом отличие определения Сальдана от определения Пелла. Но и этот признак, территориальный, географический (в этом общий порок определений Пелла и Сальдана), характеризует не самое преступное действие, а лишь место его совершения.

По определению Сальдана, любое преступление становится международным, если местом его совершения или даже пособничества ему послужила территория нескольких стран. Если, например, орудие взлома было получено в Бельгии, а взлом совершён во Франции, то кража со взломом, по мнению Сальдана, превращается в международный деликт. Точно так же и злоупотребление по должности, и изнасилование, и даже хулиганство легко могут стать интернациональными деликтами, если совершение их или пособничество им имели место на территории различных государств.

Вследствие этого понятие интернационального деликта как особого рода посягательства на сферу международных отношений совершенно исчезает, растворившись в массе преступлений, предусмотренных национальными законами и совершаемых на территориях различных государств.

В иностранной литературе можно, правда, встретить и попытки иного рода, — попытки определить понятие международного преступления не при помощи формальных критериев, а по конкретному материалу: по конвенциям для борьбы с отдельными преступлениями. Как известно, существует ряд международных конвенций по борьбе с отдельными видами преступлений: конвенция по борьбе с торговлей опиумом, конвенция по ограничению изготовления и по репулированию распределения наркотических веществ, конвенция по борьбе с работорговлей, конвенция по борьбе с распространением порнографической литературы, конвенция по борьбе с торговлей детьми и женщинами, конвенция по борьбе с подделкой денег. «Здесь (т. е. когда речь идет о борьбе с рабством, с торговлей женщинами и т. п. — А. Т.), — говорит Барандон, — можно с юридическим основанием говорить об интернациональных преступлениях, так как состав этих преступлений описан в интернациональных конвенциях, хотя караются эти преступления

по национальному законодательству и национальными судами»¹. Таким образом, по мнению Барандона, включение преступления в интернациональную конвенцию автоматически превращает данное преступление в интернациональное.

Такого рода возведение факта в принцип на деле легко оказывается беспринципным². Действительно, выбор того или иного деликта в качестве объекта международных конвенций диктуется, конечно, не теоретическими соображениями о природе международных преступлений, а различными политическими мотивами: заинтересованностью одного государства или группы государств в борьбе с данными преступлениями, техническими удобствами организации этой борьбы и другими мотивами такого рода. При этих условиях круг интернациональных деликтов, охватываемых международными конвенциями, естественно, не может быть ни замкнутым, ни тем более однородным.

Так, конвенции предусматривают посягательства против личности (торговля рабами), посягательства против нравственности (торговля порнографической литературой), посягательства, подрывающие денежную систему (подделка денег), и др. Конвенции, как мы видим, охраняют весьма разнородные интересы. В самом деле: по какому критерию можно отнести к одной категории интернациональных преступлений торговлю порнографической литературой и торговлю людьми, сутенёрство и подделку денег? Если даже руководствоваться таким едва уловимым критерием, как особая социальная опасность или особое международное значение того или иного деликта, это не внесёт большей ясности. Неизбежно возникнут вопросы: почему, например, торговля порнографической литературой представляет собою столь важное международное преступление, что требует интернациональной регламентации, в то время как, скажем, биржевые мошенничества остаются вне такой регламентации? Или: почему сутенёры — интернациональные преступники, а для бандитов, убийц и спекулянтов достаточно норм национального законодательства?

¹ „Das Kriegsverhütungsrecht“, 1933, S. 260.

² Конечно, не исключена возможность, что конвенция регулирует борьбу именно с международными преступлениями. Такова, например, предполагавшаяся до войны конвенция по борьбе с терроризмом. Число таких конвенций бесспорно будет расти, но один факт включения деликта в интернациональную конвенцию ещё не превращает этого деликта в интернациональный.

При отсутствии единого понятия интернационального преступления нельзя найти ответ на эти вопросы. Любое преступление может и оказаться и не оказаться включённым в круг интернациональных деликтов по самым различным основаниям и мотивам.

По своей юридической природе и по фактическому значению конвенции по борьбе с отдельными общеуголовными преступлениями являются одной из разных форм уголовно-правовой взаимопомощи государств, имеющей целью рационализацию борьбы с преступностью. Эта взаимопомощь государств не лишена практического значения, но она не связана непосредственно с проблемой интернациональных деликтов: совершенно независимо от международного значения конвенций в ряде случаев могут быть заключены конвенции для более эффективной борьбы с отдельными видами преступлений.

Конечно, наиболее целесообразно было бы в первую очередь рационализировать борьбу именно с интернациональными деликтами. Однако в виду чрезвычайной сложности международной ситуации не только нет тождества, порой усиленно подчёркиваемого иностранными теоретиками, но, напротив, образовался явный разрыв между обоими рядами: с одной стороны — интернациональными конвенциями, а с другой стороны — интернациональными преступлениями: действия, предусмотренные международными конвенциями, не являются международными преступлениями, тогда как действия, бесспорно представляющие собою международные преступления, в эти конвенции не включены.

II

Несколько отличаются от указанных попыток дать определение международного преступления, но непосредственно связаны с ними попытки квалифицировать в качестве международных преступлений действия, предусмотренные ст. 16 пакта Лиги наций. Согласно этой статье — «если член Лиги прибегает к войне, в противность обязательствам, принятым ст.ст. 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги». Поэтому «последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые и финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего

по национальному законодательству и национальными судами»¹. Таким образом, по мнению Барандона, включение преступления в интернациональную конвенцию автоматически превращает данное преступление в интернациональное.

Такого рода возведение факта в принцип на деле легко оказывается беспринципным². Действительно, выбор того или иного деликта в качестве объекта международных конвенций диктуется, конечно, не теоретическими соображениями о природе международных преступлений, а различными политическими мотивами: заинтересованностью одного государства или группы государств в борьбе с данными преступлениями, техническими удобствами организации этой борьбы и другими мотивами такого рода. При этих условиях круг интернациональных деликтов, охватываемых международными конвенциями, естественно, не может быть ни замкнутым, ни тем более однородным.

Так, конвенции предусматривают посягательства против личности (торговля рабами), посягательства против нравственности (торговля порнографической литературой), посягательства, подрывающие денежную систему (подделка денег), и др. Конвенции, как мы видим, охраняют весьма разнородные интересы. В самом деле: по какому критерию можно отнести к одной категории интернациональных преступлений торговлю порнографической литературой и торговлю людьми, сутенёрство и подделку денег? Если даже руководствоваться таким едва уловимым критерием, как особая социальная опасность или особое международное значение того или иного деликта, это не внесёт большей ясности. Неизбежно возникнут вопросы: почему, например, торговля порнографической литературой представляет собою столь важное международное преступление, что требует интернациональной регламентации, в то время как, скажем, биржевые мошенничества остаются вне такой регламентации? Или: почему сутенёры — интернациональные преступники, а для бандитов, убийц и спекулянтов достаточно норм национального законодательства?

¹ „Das Kriegsverhütungsrecht“, 1933, S. 260.

² Конечно, не исключена возможность, что конвенция регулирует борьбу именно с международными преступлениями. Такова, например, предполагавшаяся до войны конвенция по борьбе с терроризмом. Число таких конвенций бесспорно будет расти, но один факт включения деликта в интернациональную конвенцию ещё не превращает этого деликта в интернациональный.

При отсутствии единого понятия интернационального преступления нельзя найти ответ на эти вопросы. Любое преступление может и оказаться и не оказаться включённым в круг интернациональных деликтов по самым различным основаниям и мотивам.

По своей юридической природе и по фактическому значению конвенции по борьбе с отдельными общеуголовными преступлениями являются одной из разных форм уголовно-правовой взаимопомощи государств, имеющей целью рационализацию борьбы с преступностью. Эта взаимопомощь государств не лишена практического значения, но она не связана непосредственно с проблемой интернациональных деликтов: совершенно независимо от международного значения конвенций в ряде случаев могут быть заключены конвенции для более эффективной борьбы с отдельными видами преступлений.

Конечно, наиболее целесообразно было бы в первую очередь рационализировать борьбу именно с интернациональными деликтами. Однако в виду чрезвычайной сложности международной ситуации не только нет тождества, порой усиленно подчёркиваемого иностранными теоретиками, но, напротив, образовался явный разрыв между обоими рядами: с одной стороны — интернациональными конвенциями, а с другой стороны — интернациональными преступлениями: действия, предусмотренные международными конвенциями, не являются международными преступлениями, тогда как действия, бесспорно представляющие собою международные преступления, в эти конвенции не включены.

II

Несколько отличаются от указанных попыток дать определение международного преступления, но непосредственно связаны с ними попытки квалифицировать в качестве международных преступлений действия, предусмотренные ст. 16 пакта Лиги наций. Согласно этой статье — «если член Лиги прибегает к войне, в противность обязательствам, принятым ст.ст. 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги». Поэтому «последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые и финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего

статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет».

Помимо этих мер экономического, финансового бойкота в отношении государства, начавшего войну в нарушение пакта Лиги наций, ст. 16 предусматриваются и другие весьма серьезные санкции. «... Совет обязан,—гласит та же ст. 16 пакта,—предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Таким образом ст. 16 предусматривала весьма серьезные экономические и военные санкции в отношении государства, прибегнувшего к войне вопреки пакту Лиги наций. Естественно возникает вопрос: не являлось ли тем самым обращение к войне, противоречащее пакту Лиги, преступлением, а санкции, предусмотренные ст. 16 пакта, наказанием за это преступление.

Многие теоретики отвечают на этот вопрос положительно. Проф. Кунц, например, видит особенность ст. 16 пакта Лиги наций в том, что она «предполагает преступление и обуславливает применение санкций»¹. Кон в своей работе «Меры против войны и проблемы виновности» утверждает: «В ст. 16 имеется действительно уголовно-правовой институт... Ст. 16 содержит общую угрозу и стремится одновременно к подавлению всякого правонарушения в отдельном случае в соответствии с общей и специальной превенцией межгосударственного уголовного права». С особой решительностью защищает ту же точку зрения Отто Брюк: «Ст. 16 содержит целую систему санкций. Это — «уголовный кодекс» Лиги наций»².

Таким образом, по мнению названных теоретиков, международное преступление было предусмотрено ст. 16 пакта Лиги в форме агрессии, противоречащей этому пакту, а международное наказание — в форме экономических, военных и иных санкций, установленных ст. 16 за агрессию такого рода.

¹ „L'article XI de pacte de la Société de Nations“, „Recueil des cours“, 1931, p. 577.

² „Les sanctions en droit international“, 1933, p. 101.

Верно, что ст. 16 давала Лиге наций реальную возможность призвать агрессора к ответу. Ст. 16 намечала средства для создания единого фронта миролюбивых народов против фашистской агрессии; в системе этих средств определённая роль могла бы принадлежать и суду, если бы возник вопрос об ответственности конкретных виновников агрессии. Однако, как известно, в силу тех политических тенденций, которые господствовали в Лиге, ст. 16 не только не получила дальнейшего развития, но при помощи этой статьи не были реализованы и те возможности, которые безусловно в ней заключались. С момента своего появления ст. 16 оказалась мёртвым параграфом. Её не пробудил к жизни даже гром пушек на территории члена Лиги наций — Китая.

Лишь в 1935 г. было два случая, когда Лига пыталась применить ст. 16, а именно: при конфликте Боливия — Парагвай и при нападении Италии на Абиссинию¹. Но в обоих случаях лишь было продемонстрировано отсутствие у руководящего большинства Лиги наций намерения использовать те реальные средства борьбы с агрессором, которыми ст. 16 вооружала Лигу. Такой на деле оказалась ст. 16 пакта Лиги наций; таков её «уголовный кодекс».

Таким образом теоретические попытки определить понятие международного преступления трудно считать удавшимися. Проблема определения этого понятия продолжает оставаться неразрешённой.

III

Система чудовищных злодеяний, характеризующая гитлеровские методы ведения войны, раскрыла перед миром бесплодность и беспомощность формальных конструкций международного преступления, формальных построений довоенной юриспруденции. Понятие международного преступления и борьба с международными преступлениями должны ныне строиться на основании опыта Отечественной войны, на принципах, проникнутых реальной заботой об укреплении мирного сотрудничества народов.

Международное преступление — явление сложное и своеобразное. Оно качественно отличается от массы преступлений,

¹ Подробно об этих конфликтах см. нашу работу «Защита мира и уголовный закон», 1937, стр. 22.

предусмотренных национальным уголовным законодательством: кражи, разбоя, изнасилования, убийства и т. д. Конечно, и все эти преступления весьма отличаются друг от друга: нельзя смешать кражу с изнасилованием или мошенничество с телесным повреждением. Однако, несмотря на существенные различия между этими преступлениями, все они связаны одним общим основным признаком: эти преступления являются посягательством на общественные отношения, существующие внутри данного государства. Международное преступление имеет особый характер.

Можно без труда указать и на большое число других признаков, по которым международные деликты отличаются от других преступлений: и по основаниям ответственности, и по юрисдикции, и по самому кругу преступных действий. Однако все эти признаки — лишь результат другой основной особенности, определяющей своеобразную качественную природу международного преступления. Эта особенность, благодаря которой международный деликт выходит из круга общеуголовных преступлений, заключается в следующем.

Эпоха, когда государства и народы жили изолированно или почти изолированно друг от друга, давно миновала. Капиталистическая система особенно развила и усложнила отношения между отдельными странами. Создалось прочное международное общение. Как ни противоречивы интересы разных стран, как ни различны порой политические системы государств, это международное общение, множество нитей, связывающих народы и государства, представляют собою большую экономическую, политическую и культурную ценность.

Международное преступление — и в этом именно его глубокое своеобразие, этим именно оно отличается от преступлений в смысле национального права — является посягательством на указанное важнейшее достижение человеческого общества, посягательством на связь между государствами, между народами, на связь, составляющую основу отношений между нациями и странами. Международное преступление направлено на ухудшение, обострение, разрыв этой связи. Виновники таких преступлений задерживают вереницу поездов, судов, людей, товаров, потоком идущих из одних стран в другие; они пытаются воздвигнуть преграды, восстановить одно государство против другого, один народ против другого. С полным основанием поэтому здесь может идти речь об интернациональном, международном, ме-

ждугосударственном деликте (*delicts des gens*). Международное преступление, следовательно, должно быть определено как посягательство на основы международного общения.

Такова материальная характеристика международного преступления.

С формальной стороны всякое преступление есть наказуемое действие (или бездействие), наказуемое посягательство на те или иные блага, пользование которыми предоставляется или обусловлено господствующими в данном обществе экономическими и политическими отношениями. Точно так же международное преступление немыслимо без сочетания с наказанием. Однако и в своей связи с наказанием международное преступление отличается глубоким своеобразием.

С времен Ансельма Фейербаха, Беккариа, представителей классической школы уголовного права, носителей прогрессивных идей шедшей к власти буржуазии, считается общепризнанным, что каждое преступление и наказание предполагают наличие соответствующего закона: «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» (нет преступления, нет наказания, не предусмотренных законом). Как следует применять этот принцип к преступлениям международным? При разрешении этого вопроса необходимо прежде всего учесть, что понятие *lex* неоднородно в сфере национального и в сфере интернационального права: *lex* в области национального права — это облеченный в соответствующую форму акт законодательной власти государства; однако в международной сфере не существовало и не существует законодательных инстанций, которые стояли бы над государствами и были бы компетентны издавать нормы, обязательные для отдельных государств.

Правовой режим международных отношений покоится на совершенно иных правовых основаниях. В сфере международной основным источником права и в этом смысле единственным законообразующим актом является договор, соглашение, обязательное для каждого государства, к этому договору примкнувшего (*pacta sunt servanda* — договоры нужно соблюдать). Недаром еще до войны германская печать с лакейской угодливостью пыталась подорвать обязательность и силу международных соглашений. На страницах официального органа учреждения, присвоившего себе наименование «Академии права», проф. Симонс не постеснялся выступить со следующим

рассуждением: «Так как государства сами для себя путём добровольного соглашения приняли закон своего поведения, то они сами являются и последними судьями того, могут ли они на долгое время признавать этот закон или же находят нужным, в силу изменившихся обстоятельств, по-новому регулировать жизненные права народа»¹.

Эта «академическая» попытка создать анархию в международных отношениях находится в резком и явном противоречии с основными принципами международного права.

Выступая в 1936 г. в Лиге наций по поводу разрыва дипломатических отношений СССР с Уругваем, т. Литвинов сказал: «Абсолютно суверенно и может произвольно делать то, чего захочет, лишь то государство, которое не связано никакими международными обязательствами. Всякое международное обязательство ограничивает право суверенного государства поступать всегда, как оно хочет».

В США обязательность международных договоров прямо выражена в конституции: согласно п. 2 ст. VI американской конституции «эта конституция и законы Соединённых Штатов, установленные на ее основании, равно как все договоры, которые заключены или будут заключены Соединёнными Штатами, будут верховным правом страны».

В связи с указанной нами законотворческой силой международных конвенций важно отметить следующее положение: хотя в международных конвенциях, регулирующих законы и обычаи ведения войны, не содержится специальных указаний на конкретные уголовные санкции за нарушения этих законов и обычаев, однако — и это необходимо ярко подчеркнуть — самый принцип уголовной ответственности за подобные нарушения ясно выражен в конвенциях.

Прежде всего в этом отношении заслуживает внимания ст. 56 Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г.; согласно ст. 56 — «собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, государственных памятников, произведений художественных и научных воспрепятствуют и должны подлежать вре-

¹ „Deutsche Juristenzeitung“, 1936, № 6.

следованию». Таким образом Гагская конвенция не только воспрещает нарушение правил ведения войны; она, кроме того, указывает, что эти нарушения «должны подлежать преследованию», т. е. влечь за собою наказание виновных.

Далее, в ст. 29 Женевской конвенции 1929 г. с полной отчетливостью говорится об уголовной ответственности за нарушение установленных ею правил обращения с ранеными и больными воинами. «Правительства высоких договаривающихся сторон, — указывается в этой статье, — равным образом примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений, в случае недостаточности их уголовных законов, необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоречащего постановлениям настоящей конвенции». Здесь, следовательно, непосредственно оговорена конвенцией уголовная ответственность за нарушение правил обращения с ранеными и больными воинами.

Таким образом и по общему смыслу Гагской и Женевской конвенций, и по их прямому указанию, как видно из цитированных статей этих конвенций, уголовная ответственность за нарушение обычаев и законов ведения войны является не только возможной, но и обязательной.

В вопрос об уголовной ответственности за нарушение международных соглашений известную ясность внесла «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам» 1921—1922 гг. Согласно ст. 3 постановлений, принятых на этой конференции, «Подписывающие державы, желая обеспечить выполнение гуманных законов, провозглашенных ими в качестве действующего права в отношении нападения на торговые суда, а равно их захвата и уничтожения, заявляют далее, что любое лицо, находящееся на службе любой державы, которое нарушило бы одно из этих правил, притом независимо от того, находится ли оно в подчинении у правительственного должностного лица или нет, будет рассматриваться как нарушитель законов войны и будет подлежать суду гражданских или военных властей каждой из держав, в пределах досягаемости коей оно могло бы оказаться».

Значение международных соглашений как источников уголовного права нашло своё выражение и в Версальском договоре. Каково бы ни было политическое значение и каковы бы ни были практические результаты версальских постановлений,

бесспорна роль этого договора как исторического прецедента: в сфере международных отношений международный договор является достаточным правовым основанием не только для разрешения политических и экономических проблем, но и для установления уголовной ответственности за «оскорбление международной морали и священной силы договоров», за «совершение действий, противных законам и обычаям войны» (ст.ст. 227 и 228 Версальского договора), т. е. для установления уголовной ответственности за международные преступления.

Некоторые политические и юридические круги пытались оспорить обоснованность уголовного преследования Вильгельма II, ссылаясь на то, что уголовный закон не имеет обратной силы, что за преступления, совершённые в период 1914—1918 гг., нельзя судить на основании договора, заключённого в 1919 г. Так, в ответной ноте на требование союзников выдать Вильгельма голландское правительство писало: «Ст. 227 Версальского договора вошла в силу 10 января 1920 г. и не фигурировала в перечне наказуемых посягательств, предусмотренных законами Голландии или договорами, ею заключёнными. Это новое преступление ранее не было предусмотрено и уголовным законодательством сторон, требующих выдачи».

«Первое условие для выдачи,— писало далее голландское правительство,— это, чтобы преступление, по поводу которого требуется выдача, было предусмотрено законом или договорами». «Никто не может наказать иначе, как на основании закона, ранее изданного и опубликованного; поэтому то, чего требуют от Голландии, это — сотрудничество в процессе, который противоречит самой идее юстиции»¹.

Эта аргументация порочна: если Версальский договор — достаточное правовое основание для суда над Вильгельмом и его сообщниками, то прямое указание договора на их ответственность за злодеяния, совершённые в 1914—1918 гг., — такое же достаточное основание для признания обратной силы за этими постановлениями Версальского договора и, следовательно, для устранения в данном случае самой дискуссии об обратной силе закона.

Наконец, необходимо учесть, что международные преступления, и в первую очередь те из них, которые связаны с на-

¹ A. Mérignac, et E. Lemonon, Droit des gens et la guerre de 1914—1918, t. II, p. 572.

рушением законов и обычаев ведения войны (убийства раненых и военнопленных, насилия над мирными гражданами и др.), являются вместе с тем деяниями, караемыми уголовными кодексами отдельных государств. Бандитизм, убийства, изнасилования, поджоги и т. д. уголовными кодексами всего мира квалифицируются как тяжкие преступления.

Таким образом наказуемость международных преступлений обоснована и с точки зрения принципа «*nullum crimen sine lege*». В соответствии с этим международное преступление должно быть определено как наказуемое посягательство на основы международного общения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

I

Международное преступление — это наказуемое посягательство на основы международного общения. Таково общее родовое определение международного преступления. Всякое родовое понятие живёт в своих видах. Международное преступление как посягательство на основы международного общения также реально существует и конкретно выражается в отдельных своих видах. Каковы эти виды?

Основной предпосылкой всякого международного общения являются мирные отношения между государствами. Мир — величайшая общественная ценность, и потому посягательства на мир составляют первую группу, первый вид международных деликтов.

Конечно, лучшим стражем мира является подлинная демократия. Поэтому, чем полнее и глубже проводятся демократические принципы в государстве, тем легче последнему противостоят всякого рода поджигателям войны. Однако на борьбу за мир должен быть мобилизован и уголовный закон.

Мир может быть непосредственно нарушен или поставлен под угрозу разного рода преступными действиями. В соответствии с этим посягательства на мир могут выражаться в разных формах. Прямой и наиболее опасной формой посягательства на мир является нападение одного государства на дру-

гое — агрессия¹, непосредственно взрывающая мир и навязывающая народам войну. Агрессия является поэтому наиболее опасным международным преступлением. В интересах борьбы за мир уголовная репрессия должна обрушиться не только на виновных в совершении агрессии, но и на тех, кто пытается разжечь пламя войны, кто подготавливает агрессию. К действиям, подготавливающим почву для агрессии, должны быть отнесены: заключение блоков и соглашений, ставящих своей целью агрессию (как, например, договор «оси» Германия — Италия), нарушение договоров, служащих делу мира, провокация всевозможными средствами международных конфликтов, пропаганда агрессии.

В 1927 г. Всеобщий конгресс мира в Афинах принял следующую резолюцию о борьбе с пропагандой военной агрессии: «Считая, что война есть бедствие, которое создает тяжелую опасность не только для воюющих стран, но и для материальных и моральных интересов всего мира, что потому всякое подстрекательство к войне подобно пиратству, рабовладению и другим аналогичным действиям, подпадающим под удары интернациональных конвенций, является международным преступлением, конгресс обращает внимание правительств на необходимость ввести в уголовный кодекс каждой страны постановление об уголовной ответственности за преступление против мира, а именно за прямое возбуждение общественного мнения с целью вызвать вторжение в территорию иностранного государства, границы которого общепризнаны, независимо от того, имело ли место это деяние на совещаниях или в публичной речи или оно совершено путём распространения произведения печати или изображений, направленных к той же цели».

Вопрос об уголовной ответственности за пропаганду агрессии ставился на межпарламентских конгрессах в 1924, 1928, 1930 и 1932 гг. В апреле 1932 г. юридическая комиссия межпарламентского союза признала необходимым установить уголовную ответственность «за прямое публичное подстрекательство какими бы то ни было средствами к вторжению (или всякой иной вооружённой агрессии) одного государства на территорию другого государства». В 1931 г. международный союз адвокатов также принял резолюцию о том, чтобы в за-

¹ Само собою разумеется, здесь речь идёт не об освободительных, справедливых войнах.

конодательства отдельных стран была введена уголовная ответственность за публичный призыв к агрессивной войне.

Обычно орудием пропаганды служит слово. Но германский фашизм, готовя агрессию против всего мира, ввёл в действие другое, более «решительное» орудие — терроризм, применявшийся гитлеровцами как метод провокации войн.

Между фашистским терроризмом и политикой военной агрессии существует двойная связь: организаторы террора стремятся вызвать в другой стране внутривнутриполитические осложнения, чтобы тем самым ослабить её обороноспособность; вместе с тем убийством видных политических деятелей фашистские агрессоры стремятся вызвать международные осложнения.

Совершённое в 1934 г. наймитами немецко-фашистских агрессоров убийство в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту послужило основанием для подготовки Лигой наций интернациональной конвенции по борьбе с терроризмом. Советом Лиги был образован комитет в составе представителей одиннадцати стран, в том числе и Советского Союза. Проект конвенции был разработан, принят и одобрен отдельными государствами. Но медленно двигался громоздкий аппарат Лиги: пока комитеты, комиссии и подкомиссии обсуждали вопрос, фашистские террористы залили кровью огромные пространства мира.

В интересах укрепления мира терроризм как метод провокации войны должен быть объявлен международным деликтом. В качестве орудия провокации международных конфликтов к терроризму близко примыкает поддержка вооружённых банд, которая может привести к тому же печальному результату в международной жизни, как и терроризм. Таковы, например, организации эмигрантских вооружённых банд для проникновения на чужую территорию, допущение военных или созданных по военному образцу организаций для борьбы с другими государствами и т. п.

Так называемые «пятые колонны», которые фашистская Германия вооружала и поддерживала в разных странах, — зловещий пример организации банд, угрожающих делу мира.

Таковы в основных чертах те действия, которые в качестве посягательств на мирные международные отношения должны образовать первую группу интернациональных деликтов — преступлений против мира.

В сохранении мира заинтересованы все народы, все государства, широкие массы населения. Но в условиях антагонистического классового общества мир часто, слишком часто уступает место войне. Если войны происходят и в современных условиях неустраимы, неизбежны мероприятия по регулированию законов и порядка ведения военных действий, необходим известный правовой режим войны. В связи с этим существуют и действуют международные соглашения (Гаагская и Женевская конвенции и др.), которые являются попыткой обуздать стихию войны, ввести её в русло некоторых ограничительных правил, регулирующих обращение с мирным населением, с военнопленными, ранеными¹.

Женевская конвенция, заключённая 6 июля 1906 г., обязывает воюющие стороны внимательно относиться к больным и раненым воинам. Ст. 1 этой конвенции гласит: «Военнослужащие и другие официально состоящие при армиях лица, без различия национальности, в случае их поранения или болезни, должны пользоваться покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти коего они окажутся». Согласно ст. 3: «После каждого боя сторона, занимающая поле сражения, должна принять меры к разысканию раненых и к ограждению как их, так и мёртвых от ограбления и дурного обращения».

Статья 6 Женевской конвенции предусматривала охрану санитарных учреждений: «Подвижные санитарные учреждения т. е. такие, которые предназначены сопровождать армию в поход, а также постоянные санитарные учреждения будут пользоваться покровительством и охраной воюющих».

Женевская конвенция 27 июля 1929 г. подтвердила и частью развила эти положения. Так, ст. 1 конвенции 1929 г. устанавливает: «Военнослужащие и другие официально состоящие при армиях лица в случае их поранения или болезни должны пользоваться покровительством и защитой при всех обстоятельствах; они будут пользоваться человеколюбивым обращением и уходом, без различия национальности, со стороны

¹ Faushille, например, указывает, что война—это не апелляция к силе, свободной от всяких ограничений. „Имеется право, имеются законы войны“. („Traité de droit international public, 1922, t. II, p. 12). Точно так же Tchernoff: „Состояние войны не упраздняет всякую законность“. (Les sanctions pénales des abus de la guerre—„Revue politique et parlementaire“, 1915, июль, стр. 61).

воюющего, во власти которого они окажутся». «После каждого боя, — указывалось в ст. 3 этой конвенции, — сторона, занимающая поле сражения, примет меры к разысканию раненых и умерших и к ограждению их от ограбления и дурного обращения».

Стремясь использовать мирное население для обеспечения надлежащей помощи больным и раненым воинам, государства, заключившие Женевскую конвенцию 1929 г., установили в ст. 5: «Военное начальство может обращаться с призывом к человеколюбию местных жителей для того, чтобы под его контролем подбирались раненые и больные, принадлежащие к армиям, и чтобы за ними был уход, предоставляя при этом лицам, отозвавшимся на этот призыв, особое покровительство и некоторые облегчения».

Гаагская конвенция, заключённая 18 октября 1907 г., регулирует отношение воюющих стран к военнопленным и мирным жителям. В ст. 6 Особого приложения к этой конвенции, называемого «Положением о законах и обычаях сухопутной войны», говорится: «Государство может привлекать военнопленных к работам, сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям».

Особо Гаагская конвенция останавливается на регламентации вопроса об охране личных благ мирных граждан и культурных ценностей.

Статьями 46 и 47 «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» устанавливается: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность... должны быть уважаемы. Частная собственность не подлежит конфискации». «Грабеж безусловно воспрещается».

В ст. 27 того же «Положения» говорится об охране общественных зданий и культурных ценностей: «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые...».

Как мы видим, необузданному произволу во время войны поставлены некоторые, правда, весьма ограниченные, преграды. Нарушение этих законов и обычаев ведения войны,

превращение войны в организованный государственный бандитизм образует вторую группу, второй вид международных преступлений, непосредственно связанных с войной.

Таким образом можно наметить следующую систему международных преступлений:

Первая группа — посягательства на мирные отношения между народами: 1) агрессивные действия, 2) пропаганда агрессии, 3) заключение соглашений с целью агрессии, 4) нарушение договоров, служащих делу мира, 5) провокация в целях нарушения мирных отношений между государствами, 6) терроризм, 7) поддержка вооружённых банд («пятых колонн»).

Вторая группа — посягательства, связанные с войной: 1) посягательства против военнопленных, раненых и больных воинов, 2) посягательства против жизни, здоровья, чести и имущества мирных граждан, 3) разрушение городов и других населённых пунктов, 4) разрушение и ограбление материальных и культурных ценностей.

Как видно из приведенного перечня, за исключением терроризма, который послужил основанием для разработки проекта конвенции, ни один международный деликт до сих пор не охвачен международными конвенциями.

Этот перечень международных преступлений, конечно, не является исчерпывающим. Вся область международного уголовного права находится ещё в стадии становления и развития — в частности и в особенности требует дальнейшего изучения система международных преступлений. По мере усложнения и укрепления путей и форм международного общения круг наказуемых международных преступлений будет расширяться. Послевоенное устройство мира, вероятно, установит новые формы связи между государствами и в сфере экономической — снабжения и обеспечения сырьём, топливом, восстановления разрушенных хозяйств и т. д.

В соответствии с этим может возникнуть вопрос и о новых формах посягательства на основы международного общения — посягательств на экономические основы международного общения¹.

¹ С другой стороны, независимо от координированной борьбы с международными преступлениями, вполне возможны конвенции по борьбе с отдельными преступлениями, не являющимися преступлениями международными (например, по борьбе с торговлей опиумом и т. п.), но требующими согласованных мер борьбы.

Победа свободолюбивых народов над гитлеровской Германией и гитлеризмом, развитие и укрепление демократии во всех государствах, последовательная и неизменная политика мира обеспечат организованную и решительную борьбу со всеми названными и иными видами международных преступлений, посягающих на основы международного общения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПРОТИВ МИРА

«Поведение пруссаков в 1870—71 гг., — писал Мериньяк, один из исследователей немецких злодеяний, — уже привлекло внимание к их психологии. Их эксцессы в 1914, 1915 и 1916 гг. далеко превзошли предсказания, которые можно было извлечь из франко-прусской войны»¹. На основании опыта Отечественной войны можно теперь к этим словам добавить: по сравнению с чудовищными злодеяниями гитлеровских армий в настоящую войну эксцессы 1914—1918 гг. кажутся робкими экспериментами начинающих головорезов.

Система государственного бандитизма, организованная и проводимая гитлеровской Германией, конкретно выражается в систематических и массовых посягательствах на основы человеческого общежития, на отношения между народами и государствами, на физическое существование целых наций. Выше было указано, что международные преступления распадаются на две основные группы: 1) преступления против мира и 2) преступления, связанные с войной. В интересах систематического изучения чудовищных преступлений, учинённых гитлеровским правительством, командованием и их агентами, необходимо рассмотреть сплошную массу гитлеровских злодеяний в соответствии с этой группировкой.

Остановимся прежде всего на преступлениях гитлеровцев против мира. Выражая интересы и вождедения самых хищнических и самых разбойничьих империалистов — германских нацистов, гитлеровская Германия внешнюю и внутреннюю свою политику строила на захвате чужих территорий, на ограблении

¹ А. М é r i g n h a c, „De la sanction des infractions au droit des gens“ — „Revue générale de droit international public“, 1917, январь - февраль, стр. 6.

других народов. В книге «Моя борьба», написанной Гитлером в 1923 г., задолго до прихода к власти, «фюрер» пишет: «Мы, национал-социалисты, определённо указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на восток. Мы переходим к политике завоеваний новых земель в Европе». И далее: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены». Значительно позднее, в 1930 г., в беседе с Отто Штрассером Гитлер заявил: «Россия должна быть вычеркнута из списка европейских государств».

Таким образом хищническая агрессия, захват чужих земель составляет внешнеполитическую программу гитлеризма. С захватом власти Гитлером эта разбойничья программа получила максимальное развитие. Подготовка агрессии приняла в Германии «тотальный» характер: лихорадочно комплектовались армейские кадры, вся промышленность была военизирована, при помощи особого министерства пропаганды велась бурная и буйная пропаганда агрессии, в других государствах были организованы для военных целей вооружённые банды («штытые колонны») и т. д. Исключительно для военных же целей гитлеровская Германия заключала с другими государствами договоры о «ненападении» и «дружбе», используя эти договоры в качестве дымовой завесы, прикрывающей военные приготовления и предательскую агрессию.

«Имперское правительство заявляет,— уверял в 1935 г. Гитлер,— что выполнит все обязательства, вытекающие из добровольно подписанного договора, даже в том случае, если этот договор был заключён до прихода его к власти». Гитлер действительно не делал различия между договорами, подписанными до и после захвата власти: он одинаково цинично нарушал и те и другие.

7 августа 1928 г. в Париже был заключён так называемый пакт Бриана—Келлога, состоявший всего из трёх статей и введения-декларации. Государства, заключившие этот пакт, заявили, что осуждают войну. «Убеждённые,— провозглашали они,— что наступил момент приступить к откровенному отказу от войны, как орудия национальной политики... уверенные, что всякие изменения в их взаимных отношениях должны изыскиваться в мирных средствах... высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от имени своих наро-

дов, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики»¹.

Высокие договаривающиеся стороны, сказано было в ст. ст. 1 и 2 пакта Бриана — Келлога, «осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров» и «поэтому все могущие возникнуть между ними споры и конфликты, какого бы характера и происхождения они ни были, должны разрешать только мирными средствами».

К этому пакту Германия «добровольно и безоговорочно» присоединилась, однако гитлеровское правительство вероломно нарушило его.

С приходом фашистской власти Германия заключила ряд мирных договоров; не раз провозглашал свою приверженность к миру Гитлер. Как эти договоры и декларации исполнялись? Об этом свидетельствуют факты.

В договоре, заключённом с Австрией 11 июля 1936 г., гитлеровская Германия подтвердила, что «признаёт полный суверенитет Австрии». Прошло немногим более полутора лет, и «суверенная» Австрия была захвачена гитлеровцами.

Темпы гитлеровской агрессии непрерывно возрастали. 27 сентября 1938 г. Гитлер писал Чемберлену: «Я отвергаю мысль о каком-нибудь нападении на чехословацкую территорию», а всего через четыре дня немецко-фашистские войска вторглись в Чехословакию и заняли Судетскую область.

В июне 1939 г. Гитлер уверял: «Прочно обоснованное, проникнутое доверием отношение Германии к Югославии отныне, когда мы стали в силу исторических событий соседями с установленными навсегда общими границами, не только обеспечит длительный мир между обоими народами и странами, но и представит к тому же элемент успокоения для нашего охваченного нервным возбуждением континента». Не прошло двух лет, и Гитлер «успокоил» «нервно возбуждённый континент»: 6 апреля 1941 г. фашистские войска напали на Югославию.

Вероломство Гитлера с особой силой проявилось в отношениях Германии и СССР. На протяжении почти одного месяца между нашей страной и Германией были заключены два договора, имевшие одну цель — укрепить мирные отношения

¹ Поддерживая всякий акт, направленный на защиту мира, Советский Союз присоединился 24 октября 1929 г. к пакту Бриана — Келлога.

между обоими государствами: договор о ненападении сроком на 10 лет, заключённый 23 августа 1939 г., и договор о дружбе, подписанный 28 сентября того же года.

Выступая 1 сентября 1939 г. в рейхстаге после заключения советско-германского договора, Гитлер сказал: «Я хотел бы заявить здесь, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего и что оно является окончательным. Россия и Германия боролись друг против друга во время мировой войны. Это не должно случиться и не случится во второй раз». Не прошло двух лет — и «это» случилось: вопреки двум договорам, вопреки торжественным заверениям Гитлера Германия вероломно напала на Советский Союз.

В какой мере под прикрытием деклараций и договоров гитлеровская Германия задолго до начала военных действий подготавливала войну, можно судить и по актам, непосредственно связанным с интересующими нас проблемами международного уголовного законодательства. Задолго до войны в Германии был издан ряд законов, регулирующих уголовное правосудие в условиях военного времени. Таковы, например, закон об особом уголовном законодательстве в военное время (*Kriegssonderstrafrechtsverordnung*), закон о судеустройстве и судопроизводстве в военных судах в условиях военного времени (*Kriegsstrafverfahrensordnung*). Чрезвычайно характерно, что оба эти закона были изданы 17 августа 1938 г., но опубликованы лишь через год — 26 августа 1939 г.¹. Как и снаряды и пушки, гитлеровские законы заранее готовились и прятались до момента открытой агрессии.

Таким образом гитлеровская агрессия, уже унесшая десятки миллионов человеческих жизней, агрессия, превратившая цветущие земли Европы в «зону пустыни», является не только самой кровавой, но и самой вероломной и самой хищнической агрессией в мире. Если бы Гитлер и его клика совершили только вероломную хищническую агрессию, их преступление перед человечеством, перед народами и государствами, ввергнутыми в ужасы второй мировой войны, было бы уже колоссально. Но гитлеровская Германия, как известно, пошла гораздо дальше: преступно взорвав мир, гитлеровцы превратили войну в тщательно продуманную и планомерно проводимую систему преступлений, в систему военизированного бандитизма.

¹ „Reichsgesetzblatt“, 1939, Т. 1, № 147.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЙНОЙ

В условиях мирного времени система государственного бандитизма, характеризующая гитлеровскую Германию, находила своё выражение во внутривойсковом терроре, в лихорадочной подготовке к войне и систематической провокации военных конфликтов. Добившись своей цели, взорвав мир во всем мире, гитлеровская Германия с присущим системе государственного бандитизма ожесточением обратила свою разрушительную машину против жизни и независимости свободлюбивых народов, против культуры и цивилизации, против накопленных народами материальных ценностей.

Германия, как и другие государства, совершенно добровольно присоединилась к Гаагской и Женевской конвенциям, определяющим законы и обычаи ведения войны, но гитлеровцы превратили эти добровольно подписанные Германией конвенции в объект глумления и издевательств.

В интересах систематического рассмотрения преступлений гитлеровцев, связанных с войной, эти преступления можно разбить на следующие четыре основные группы:

1. Преступления против военнопленных, раненых и больных воинов.

2. Преступления против мирных граждан: а) убийства и насилия, б) установление рабско-крепостнического режима и увод «в плен», в) ограбления.

3. Разрушение городов и других населенных пунктов.

4. Разграбление и уничтожение культурных ценностей.

Рассмотрим отдельные группы названных преступлений.

1. Преступления гитлеровцев против военнопленных, раненых и больных воинов

В 1902 г. германским генеральным штабом было издано руководство «Военные обычаи в сухопутной войне», в котором об обращении с военнопленными было сказано: «Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне. Государство может делать всё, что окажется необходимым для удержания за собою пленных, но ничего более». «...Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе, соответствующей их

общественному положению. Работа предохраняет от излишеств и полезна с санитарной точки зрения. Во всяком случае она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унижительного характера. Она не должна также непосредственно служить военным операциям против родины пленных». «...Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя,— это право обезоруженного».

Так поучал германский генеральный штаб, опираясь на постановления Гаагской конвенции 1899 г. Заключённая в Гааге в 1907 г. новая конвенция ещё более подчеркнула значение принципов гуманного отношения к пленным и раненым воинам.

Более того, в германском законе о судеустройстве и судопроизводстве в военных судах во время войны (закон 17 августа 1938 г.) раздел о судопроизводстве по делам о военнопленных (раздел E, §§ 73—75) содержит прямую ссылку на Женевскую конвенцию 1929 г. В подзаголовке к этому разделу сказано: «На основании соглашения от 27 июля 1929 г., ратифицированного Германией 21 февраля 1934 г.¹, Гаагская и Женевская конвенции, несмотря на общую скудость своих постановлений, определённо и чётко регулируют обращение с пленными, ранеными и больными воинами. Конвенции устанавливают, что они «... должны пользоваться покровительством... и уходом... со стороны воюющего, во власти которого они находятся». В ст. 23 Гаагской конвенции 1907 г. категорически указано: «... Воспрещается: . . . в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался; ... д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания».

Независимо от конкретных постановлений Гаагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» наметила и общую тенденцию, которую должны проявлять воюющие страны. «Впредь до того времени,—говорится в вводной части конвенции,—когда представится возможность издать более полный свод законов войны, высокие договаривающиеся стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, населе-

¹ „Reichsgesetzblatt“, 1939, № 147.

ние и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Как же выполняла и выполняет гитлеровская Германия обязательства о законах и обычаях ведения войны, как она осуществляет на деле принципы человечности и культуры?

Конечно, нет возможности и надобности в рамках настоящей работы приводить подробный перечень тягчайших и неисчислимых злодеяний, учинённых гитлеровцами: данные об этих злодеяниях опубликованы в нотах тов. Молотова, в сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии и в повседневной прессе. Однако некоторые факты, иллюстрирующие характер и масштабы совершённых гитлеровцами чудовищных преступлений, привести необходимо: совершенно не давать фактического материала — значило бы строить правовые выводы в недопустимом отрыве от действительности.

Приводим некоторые факты, свидетельствующие о зверском обращении гитлеровцев с пленными, больными и ранеными воинами.

При занятии деревни Лутовна Думиничского района Смоленской области на окраине этой деревни были обнаружены 37 трупов захваченных в плен и убитых немцами тяжело раненых красноармейцев. Точно установлено, что большинство красноармейцев было зверски замучено. Шестерых бойцов немцы сожгли на костре, разведённом под деревом. Пленных подвешивали к дереву с помощью верёвки и поджаривали на костре (обрывок верёвки остался на берёзе). У семи человек были выколоты глаза, у четырёх отрезаны уши и носы, у остальных вырваны ногти, вывернуты пальцы, переломаны руки и ноги¹.

На кладбище города Козельска Смоленской области в убежище были обнаружены брошенные в беспорядке трупы четырнадцати красноармейцев. На трупах заметны следы жестоких пыток. У двух трупов отрезаны уши и носы, у одного распорот живот и разможжена голова, у остальных в полости груди нанесено множество ножевых ран, и разmoz-

¹ Из акта от 2 апреля 1942 г. («Зверства немецко-фашистских захватчиков», Воениздат НКО СССР, 1942, вып. 4, стр. 44).

жены головы. Все красноармейцы умерщвлены гитлеровцами под тяжёлыми пытками¹.

Примерно 8 ноября 1941 г. немцы гнали из Ржева в Сычёвку группу пленных красноармейцев. Многие из красноармейцев от голода и усталости падали с ног; падавших фашисты тут же пристреливали. В центре деревни Оленино фашисты застрелили шесть пленных красноармейцев. С расстрелянных красноармейцев немцы снимали одежду и обувь. Трупы расстрелянных немцы заставили жителей Оленино закопать в одной яме.

В деревне Солпки немцы предложили принести красноармейцам покусать. Одна женщина принесла ведро картофеля. Когда голодные красноармейцы протянули руки к картофелю, немцы открыли по пленным огонь из автоматов. Было убито 25 человек².

В деревне Красноперово Смоленской области наступающими частями Красной Армии найдено 29 раздетых трупов пленных красноармейцев и командиров без единой огнестрельной раны. Все пленные убиты ножевыми ударами. В том же районе, в деревне Бабаево, гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обречённые на сожжение пытались бежать из огня, немцы их перестреляли. В деревне Кулешовке немцы, захватив 16 тяжело раненых бойцов и командиров, раздели пленных, сорвали с их ран повязки, морили их голодом, кололи штыками, ломали руки, раздирали раны, подвергали иным пыткам, после чего оставшихся в живых заперли в избе и сожгли³.

В районе деревень Большая и Малая Воля десятки пленных, построенные в сомкнутые ряды, в течение четырёх суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийства военнопленных входит в общую систему гитлеровских злодеяний: он прямо предусмотрен приказами германского командования. Так, приказ № 109 по 203 пехотному полку предписывает: «Главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в це-

¹ Из акта от 3 мая 1942 г. («Зверства немецко-фашистских захватчиков»), Воениздат НКО СССР, 1942, вып. 4, стр. 44.

² Из акта от 13 января 1942 г. («Зверства немецко-фашистских захватчиков»), Воениздат НКО СССР, 1942, вып. 4, стр. 17.

³ Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г., стр. 6.

лях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить (русскими пленными. Это относится также и к германским минам»¹.

В 6 километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трёх красноармейцев вырезаны звёзды².

Убийства, пытки, истязания и издевательства над военнопленными, больными и ранеными составляют «быт» гитлеровских войск. Об этих фактах немцами делаются путевые записи как о самых обыденных явлениях походной жизни. Так, в дневнике командира батареи 3 дивизиона 257 артиллерийского полка 257 немецкой пехотной дивизии сделана следующая запись:

«В Покатилове устроен сборный пункт военнопленных. Им не дают никакой пищи. Они все голодны, пьют воду из луж и подбирают давно сгнившие початки кукурузы.»

...В лагере военнопленных жуткий холод, часовые избивают пленных палками, колот штыками через щели забора. Позади время от времени строчит пулемёт. Это горные стрелки расстреливают пленных»³.

Такого же «человеколюбия» исполнено отношение гитлеровцев к больным и раненым воинам. Составленный профессорами Брадис, Вершинским и другими акт «О злодеяниях немецких оккупантов в Калининской области» констатирует: «Немецкие войска оккупировали село Бурашёво Калининского района Калининской области 15 ноября 1941 г. В тот же день немцы ворвались в психиатрическую больницу, в которой находились 150 больных. Немецкие захватчики полностью разграбили продовольственные запасы больницы и тем самым обрекли больных на голодную смерть. Гитлеровцы приказали персоналу больницы немедленно освободить несколько больничных корпусов. Не дожидаясь, когда будет выполнен приказ, бандиты ворвались в палаты и сбрасывали с коек больных, которые сами не в состоянии были двигаться. Мно-

¹ Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.

² Из той же ноты.

³ Из той же ноты.

гих больных немецкие варвары закололи штыками и расстреляли тут же в палатах»¹.

В селе Воронки, на Украине, немцы разместили 40 раненых красноармейцев, военнопленных и медицинских сестёр в помещении бывшей больницы. От медицинского персонала отобрали перевязочные материалы и медикаменты, продукты питания и остальные принадлежности. Медсестёр изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану и в течение 4 дней никого к ним не подпускали. Часть раненых умерла, а остальных позже выбросили в реку, запретив местному населению убирать трупы².

Так гитлеровские войска выполняли постановления Гаагской и Женевской конвенций о гуманном отношении к больным, раненым и военнопленным.

Сочетая новейшую технику со старыми приёмами инквизиции, гитлеровцы использовали для истязания военнопленных и для издевательств над ними клеймение. Об этом потрясающем факте с полной достоверностью свидетельствует приводимый ниже документ, захваченный у гитлеровских войск частями Красной Армии и текстуально приведенный в газете «Правда» 2 августа 1943 г.

„ Вот что представляет собой этот чудовищный документ:

КОМАНДУЮЩИЙ
ПОЛИЦИЕЙ ПОРЯДКА УКРАИНЫ
— Ia —

Перевод с немецкого
Копия
4 сентября 1942 года

СОДЕРЖАНИЕ: Обозначение клеймом советских военнопленных

Нижеследующая выдержка копии направляется служебным инстанциям к сведению.

Заверил:
Обервахмистр охранной
полиции.

За командующего:
Начальник штаба:

Подпись: МЮЛЛЕР-БРУНКГОРСТ

Разослать: Всем к-рам полиции порядка, каждому по 9 экз. пп —

¹ Нота тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г., стр. 26—27.

² Из ноты тов. В. М. Молотова от 6 января 1942 г.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ.

Ац2ф 24.82 Нач. военнопленных (сан) общ. (Ia) IVe № 3142/42
Берлин-Шенеберг, 20.7.1942 Баденше-штрассе 51.

СОДЕРЖАНИЕ: обозначение клеймом советских военнопленных.

1. Советских военнопленных следует метить особым постоянным клеймом.
2. Клеймо представляет собой расширяющийся книзу открытый острый угол приблизительно в 45° с длиной сторон в 1 см. на левой половине ладони, на расстоянии, примерно, в ширину ладони от заднепроходного отверстия. (Λ)
3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому, а также в виду нехватки санитарного персонала, не следует нагружать его осуществлением немецкий санитарный персонал.
4. пп.
5. Клеймению подлежат:
 - а) все вновь взятые советские военнопленные в районе действий командующего вооруженными силами Востока и Украины и военного командования в Генерал-Губернаторстве во время прохождения первой санитарной обработки.
 - б) все остальные военнопленные в районе действий Верховного командования Украины до 30 сентября 1942 года. Доложить о выполнении приказа к 15 октября 1942 года.
6. Проведение этого мероприятия не должно мешать использованию военнопленных на работах.
7. Как только клеймо ставится, об этом тотчас же делается пометка в личной карточке 1 в столбце «особые приметы» знаком «Λ» 1942 г:
8. пп.

Начальник штаба верховного командования
вооруженных сил

По поручению: подпись.

Руководитель СС и полиции в Сталино — командир полиции
порядка —

— III —

Копии разослать названным в рассылке служебным инстанциям.

Рассылка: командиру полиции порядка 38 экз., командиру жандармерии 10, гарнизонному руководителю СС и полиции 26.

I.V.

С подлинным верно:

Лейтенант охранной полиции.

(Подпись неразборчива).

Подпись: (ЛООЗЕ)

Характеризуя этот беспримерно подлый и гнусный приказ и выражая чувства всех цивилизованных народов, «Правда» писала: «Гитлеровцы клеймят раскалённым железом советских людей, стремясь унижить советского человека. Тщетная попытка! Гитлеровцы своими преступными деяниями клеймят Германию, покрывают её позором, который может быть смыт только кровью гитлеровских разбойников и убийц»¹.

Убийства и истязания военнопленных совершаются систематически и планомерно — в соответствии со специальными приказами и инструкциями. В приказе № 166/41 по 60 мотопехотной дивизии немецкое командование прямо требует массового убийства военнопленных. «Русские солдаты и младшие командиры, — говорится в этом приказе, — очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческое отношение к пленным. Уничтожение противника огнём или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...»

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными за № 1/3058 предписывает: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость даже перед послушным и трудолюбивым пленным доказывает лишь слабость и не должна иметь места» (из п. 2). «На работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие» (из п. 3).

Пункт 2 изданного от имени Гитлера как главнокомандующего приказа верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласит: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному своё превосходство... Всякое опоздание применения оружия к пленному таит в себе опасность. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться»².

Все эти факты с безусловной достоверностью свидетельствуют о том, что убийства и истязания военнопленных, боль-

¹ «Правда», 2 августа 1943 г.

² Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.

ных и раненых воинов совершаются гитлеровцами повсеместно и систематически, представляя собою один из методов гитлеровской системы ведения войны.

2. Преступления против мирных граждан

а) Убийства и насилия. В международном праве считается общепризнанным, что войну ведут вооружённые силы воюющих государств, что мирные граждане, оставшиеся на оккупированной неприятелем территории, не могут рассматриваться как жертвы, которых оккупационные власти могут безнаказанно грабить, истязать, убивать, «экспортировать» в качестве живого товара в другие страны и т. д. Гагская конвенция устанавливает: «Честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность... должны быть уважаемы». Грабёж безусловно воспрещается» (ст.ст. 46, 47). Блюнчли, автор работ, получивших в своё время широкую известность, писал: «Военное командование обязано уважать человеческие права граждан враждебного государства, защищать их своим авторитетом и, если злодеяния совершаются солдатами, виновных наказывать»¹. Совсем недавно, когда вторая мировая война была уже на западе в разгаре, другие немецкие авторы признавали: «Являлось твёрдым принципом международного права, что война ведётся против враждебного государства, как такового, а не против граждан враждебного государства. Частная собственность была неприкосновенна»².

Так было, но гитлеровская Германия ввела «новый порядок». На всём пути её армий, огнём и мечом прошедших по чужим землям, тянутся кровавые следы зверских насилий, чудовищных истязаний и пыток мирных граждан — стариков, женщин, детей. На советской земле злодеяния гитлеровцев приняли характер массового истребления невинных.

«Нечеловеческая жестокость, которую гитлеровская клика, рождённая в насилиях над собственным народом, проявила к населению европейских стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, — указывается в ноте тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г., — во много крат превзойдена германской армией при её вторжении на советскую территорию.

¹ „Das allgemeine Völkerrecht“, 1878, S. 325.

² „Krieger u. Natermehl, „Behandlung des feindlichen Vermögens“, 1940, S. 4.

Расправы гитлеровцев над мирным советским населением затмили самые кровавые страницы истории человечества и происходящей мировой войны и полностью разоблачают фашистские кроваво-преступные планы, направленные на истребление русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза».

Приводим некоторые факты, характеризующие бесчеловечное отношение гитлеровских захватчиков к мирному населению Советской страны.

...Карательный отряд эсэсовцев прибыл в деревню Кокарево 21 октября 1941 г. Всех жителей эсэсовцы выгнали на улицу и стали грубо расталкивать людей, действуя кулаками, локтями и прикладами, строя мужчин и подростков отдельно от женщин. Офицер заявил: «Ваших мужей и сыновей будем расстреливать, а вы выносите из хат свои вещи — будем сжигать». Все увидели, что деревня уже горит. С криками бросились женщины к своим избам, а за ними, цепляясь за подолы юбок и плача, тянулись маленькие дети; некоторые женщины застыли на месте от страха и ужаса и не могли двинуться. В это время начался расстрел мужчин и подростков. Их подвели к стене горящей избы и расстреливали в упор¹.

В деревне Протасово Дубенского района Тульской области гитлеровцы, раздев донага председателя колхоза крестьянина Морозова, заставили его в течение суток стоять в холодном помещении на коленях, затем водили по деревне, после чего до половины туловища закопали его в землю, а труп не разрешили хоронить более недели.

В Покровском сельсовете Черемисиновского района Курской области фашисты раздели крестьянина Алёхина, заставили его копать себе могилу, принуждая его для измерения могилы несколько раз ложиться в яму. Когда могила была вырыта, Алёхину обломали руки, обрезали уши, выкололи глаза, а затем расстреляли.

В селе Донец Должанского района Орловской области гитлеровцы, связав 17-летнюю Надежду Мальцеву, приказали её матери Марии Мальцевой обложить дочь соломой и зажечь её. Мать упала в обморок. Тогда гитлеровцы сами обложили девушку соломой и подожгли. Очнувшись от обморока мать бросилась в огонь и вытащила из него дочь. Ударом приклада

¹ «Зверства немецко-фашистских захватчиков», Воениздат НКО СССР, 1942 г., вып. 4, стр. 17.

гитлеровцы убили мать, а дочь застрелили и бросили в огонь.

В городе Новозыбкове фашистские оккупанты умертвили за одну ночь 380 семейств — более тысячи стариков, женщин, подростков, закопали полуживыми в землю десятки детей. Свыше 3000 мирных жителей было убито гитлеровцами 27 октября 1941 г. в Таганроге.

Нередко гитлеровцы создают себе из женщин и детей живую ограду от ударов Красной Армии. Группа немецких захватчиков, пытаясь наступать против наших частей из села Даниловка на Шаховское, погнала впереди себя около 60 мирных жителей, преимущественно женщин и маленьких детей. 11 января 1942 г., утром, во время боя у деревни Нагольное Кривцовского района Курской области немцы, стремясь спастись от смертоносного огня советских танкистов и стрелков, расставляли впереди себя местных жителей и стреляли из-за их спин.

Чем больше истощаются силы гитлеровской Германии, тем ожесточённее становится применяемый ею военный террор. 13 марта 1943 г. в нашей прессе были опубликованы акт и фотодокументы, рисующие совершённые гитлеровцами в Ростове-на-Дону преступления, по своей неслыханной жестокости являющиеся исключительными даже на фоне чудовищных гитлеровских злодеяний. После занятия Ростова немецкий комендант генерал-майор Киттель организовал массовое истребление мирных жителей города. Многие сотни граждан по его приказу были обязаны явиться с детьми на сборные пункты, захватив с собою ценные вещи и трёхдневный запас продовольствия. Явившихся вывезли за город и в районе Ботанического сада и Зоопарка взрослых расстреливали, а детей отравляли, смазав им губы сильно действующими ядовитыми веществами. По неполным данным, немецкие палачи расстреляли и отравили пятнадцать—восемнадцать тысяч человек.

Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодарского края в июле 1943 г. вскрыл потрясающую картину организованных массовых убийств — отравлений окисью углерода мирных граждан — женщин, стариков, детей, больных — при помощи автомашин-«душегубок». Таким изобретенным нацистами злодейским способом германское командование и гестаповцы (в лице командующего 17 немецко-фашистской армией генерал-полковника Руофф, начальника ка-

рательных органов в городе Краснодаре полковника Кристман, его заместителя и начальника тюрьмы гестапо — капитана Раббе, офицеров Пашена, Динца, Ган, штюрмшарфюрера Сальге, Сарго, Мюнстера, Мейера, Эрих, тюремных врачей гестапо Герца и Шуклера, переводчиков Эйхе Якоба и Шертерлана, совместно с предателями Тищенко, Пушкаревым, Речкаловым, Мисан, Ластовиной) зверски истребили свыше 6 700 советских женщин, стариков и детей. Как установил приговор по Харьковскому процессу¹, в ноябре 1941 г. в г. Харькове было по распоряжению гестапо переселено в бараки и затем расстреляно 20 тысяч мирных советских граждан.

Согласно сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах, учинённых немцами в Сталинской области, на территории лагеря при клубе имени Ленина и центральной поликлиники было похоронено не менее 25 000 убитых фашистами мирных советских граждан. Согласно сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии «О зверствах, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в Киеве», в столице УССР замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан.²
Всего гитлеровцами убито в СССР более двух миллионов мирных граждан.

Эти чудовищные зверства, которых не знала до сих пор история, которым нет названия на человеческом языке, совершались гитлеровцами планомерно по предписанию немецкого командования. При разгроме нашими частями в январе 1942 г. в районе г. Торопца немецкой кавалерийской бригады «СС»

¹ «Правда», 20 декабря 1943 г.

² «Правда», 1 марта 1944 г.

среди захваченных у гитлеровцев документов был найден отчёт 1 полка этой бригады об «умиротворении» им Старобинского района Минской области. Командир полка доносит, что, действуя по приказу по полку за № 42 от 27 июля 1941 г., полк расстрелял, кроме 239 пленных, -6 504 мирных жителя.

В штабе той же бригады обнаружена телеграмма 2 августа 1941 года № 37 за подписью командира бригады конному отряду 2 кавалерийского полка, в которой говорится, что Гитлер считает число уничтоженных мирных жителей «слишком незначительным», «необходимо действовать радикально», «командиры соединений слишком мягки» и приказывает впредь ежедневно доносить о числе расстрелянных.

Так гитлеровцы «воюют» с безоружным населением методами пыток и истязаний, закапывая мирных жителей в землю живыми, сжигая и уничтожая их минами, отравляя в «душегубках».

В зверствах, чинимых гитлеровцами над еврейским населением оккупированных ими территорий, система поголовного истребления людей приобрела такие масштабы, которые трудно объять человеческим сознанием.

«Только за два дня — 26 и 27 августа — немецко-фашистские погромщики устроили кровавую бойню в следующих украинских городах: в г. Луцке было расстреляно 20 тысяч евреев, согнанных под предлогом перерегистрации, в г. Сарны, где весной сего года одновременно с тысячами украинцев и русских было казнено 18 тысяч евреев, вновь было сконцентрировано из окрестных местечек и деревень свыше 14 тысяч евреев, которые были казнены 26 августа... В Киеве и Днепропетровске за период их оккупации немцами было истреблено более 60 000 человек»¹.

Еврейский народ за тысячелетия своего существования не раз подвергался гонениям, однако гитлеровские злодеяния, учинённые над евреями, по своей бесчеловечности далеко превосходят всё, что известно из истории. Гитлеровские зверства против евреев — это не плод политики «разделяй и властвуй». Это не антисемитизм и не эксцессы войны. Это — кровавая бойня, организованная при помощи государственного аппарата среди бела дня на глазах потрясённого человечества. Велика будет ответственность за эти злодеяния.

В сообщении Информбюро Наркоминдела от 19 декабря

¹ Сообщение Информбюро Наркоминдела, «Правда», 19 декабря 1942 г.

1942 г. «Об осуществлении гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы» прямо указано: «Тяжела будет карающая рука народов, которые сбросят с себя гнёт немецко-фашистских захватчиков. От возмездия освобождённых народов не уйдут ни правящая гитлеровская клика, ни подлые исполнители её преступных кровавых приказов».

19 марта 1943 г. палата представителей США единогласно приняла следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что американский народ с возмущением относится к зверствам в отношении гражданского населения оккупированных нацистами стран, и в частности к массовым убийствам еврейских мужчин, женщин и детей, и, принимая во внимание, что эта политика нацистов заключается в терроре и жестокостях и вызвала истребление населения Польши и других стран Восточной и Центральной Европы,— палата постановляет, что эти жестокие, не находящие себе оправдания преступления против миллионов беззащитных мужчин, женщин и детей должны быть осуждены и осуждаются, как действия, не достойные любой страны или правительства, претендующего на принадлежность к цивилизованному миру... Конгресс постановляет, что лица, виновные прямо или косвенно в этих преступных актах, должны быть привлечены к ответственности и наказаны в зависимости от преступлений, в которых они повинны¹.

Американский сенат ещё раньше единогласно принял такую же резолюцию. Когда настанет час расплаты — а он уже близок — гитлеровцы в полной мере понесут ответственность и за эту кровавую политику истребления еврейского народа.

б) Установление рабско-крепостнического режима и увоз «в плен». Поставленная гитлеровцами злодейская задача истребления других народов планомерно осуществляется гитлеровской Германией прежде всего путём физического уничтожения огромных масс мирных граждан всеми способами и средствами. Оставшиеся в живых используются на каторжном труде в оккупированных областях или увозятся в рабство в Германию. По существу, в силу проводимого гитлеровцами режима истязаний, голода и холода — это тоже путь истребления, только средствами «замедленного действия».

¹ «Правда», 21 марта 1943 г.

Захватив советские земли, ликвидировав колхозы и совхозы, создав на их месте германские помещичьи хозяйства, гитлеровцы обрекли колхозное крестьянство на тяжкий подневольный труд. Надсмотрщиками за работой и жизнью закрепощенных колхозников они поставили «военных агрономов», «сельскохозяйственных офицеров», «старост», «бургомистров». В приказе немецкого коменданта посёлка Андреевка Харьковской области было сказано: «Назначенному немецким командованием бургомистру и его распоряжениям подчинение обязательно. Ослушание карается смертной казнью»¹.

Огромные массы советских граждан гитлеровские захватчики насильственно отправляют в Германию для пополнения катастрофической убыли немецкой рабочей силы в связи с колоссальными потерями на фронте. В ноте тов. В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. говорится: «Насильственный увод в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление порабощаемых советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков и в расчётах их главарей. Как видно из имеющегося в распоряжении Советского Правительства документального материала, насильственным уводам советских мирных граждан в рабство гитлеровская преступная банда преследует прежде всего цель — восполнить острый недостаток рабочей силы в Германии и высвободить из немецкой промышленности дополнительные людские резервы для сильно потрепанной гитлеровской армии. Немецко-фашистские власти и многие частные лица из гражданского населения Германии, эксплуатирующие подневольный труд советских граждан, подвергают их всяческому издевательству, унижению их человеческого достоинства и обрекают на гибель от непосильного рабского труда, голода и истязаний». «Приказ начальника военно-экономической инспекции центрального фронта» генерал-лейтенанта Вейганга прямо заявляет:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счёт неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить нестложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих

¹ Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.

рук в Германии». («Специальное указание № 3 особой группе Б.Б.И.», раздел II).

«Пленение» мирных безоружных граждан — стариков, женщин и детей совершается с жестокостью, отличающей все гитлеровские мероприятия.

«Главным уполномоченным по использованию рабочей силы» Гитлер приказом от 21 марта 1942 г. назначил гаулейтера Фрица Заукеля. Главный уполномоченный занялся вербовкой рабочей силы. «Вербовщики» работоторговца Заукеля изощрались в разных мерах давления на советских граждан, чтобы завлечь их в немецко-фашистское рабство. Тех, кто не являлся по вызову оккупационных властей, лишали всех средств к существованию. Изголодавшихся людей заманивали на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, а затем оцепляли солдатами и под угрозой расстрела грузили в эшелоны. Но и эти меры не помогали. Тогда немецкие власти стали делать развёрстку по городам и сельским районам, причём «каждый город и район должны были обязательно поставить определённое число жителей для отправки в Германию».

В приказе от 2 декабря 1941 г. по 37 немецкому пехотному полку «Об уводе гражданского населения» подробно изложен план «взятия в плен» и насильственной отправки в германский тыл в течение 4—12 декабря поголовно всего населения семи деревень. В п. 7 этого приказа предписывается: «Необходимая жестокость при проведении данного приказа в жизнь неизбежна. С момента объявления населению об уводе строжайше следить за тем, чтобы никто не покинул населённые пункты».

Миллионы свободных мирных советских граждан — русских, украинцев, белоруссов, поляков, литовцев согнаны со своих земель и родных очагов, насильственно увезены в Германию и там превращены в бесправных рабов, отданных в полное распоряжение немецких «господ». Так гитлеровская Германия бесчеловечно попирает общепризнанные принципы свободы личности и свои собственные обязательства о бережном отношении к свободе, жизни и чести мирных граждан.

В цитированной выше ноте тов. В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. говорится: «Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мир-

ных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство». Гитлеровские крепостники и рабовладельцы, как и гитлеровские убийцы и насильники, в полной мере ответят за свои злодеяния.

в) Ограблени я. Представляя собою систему организованного государственного бандитизма, гитлеровская Германия ставит одной из основных целей войны разграбление оккупированных областей, захват государственного, колхозного и личного имущества мирных граждан. Как убийства и истязания, так и ограбления немецко-фашистские оккупанты производят организованно и систематически, по заранее разработанному плану, со всей немецкой методичностью. План этот изложен в так называемой «Зелёной папке» Геринга — документе, составленном заблаговременно, ещё до нападения на СССР, и захваченном во время войны частями Красной Армии.

«Зелёная папка» Геринга — циничное пособие по организации и производству грабежей, целый курс теории и практики бандитизма для повышения разбойничьей квалификации гитлеровского офицерства. Основной и руководящий принцип поведения гитлеровских войск определён и в другом документе («Поведение войск по отношению к украинцам») в следующей краткой, но ясной формуле: «Хозяйственные блага в городе и деревне (фабрики, мастерские, крестьянские дворы и колхозные хозяйства, семенной фонд и поголовье скота, запасы сырья и жилые строения всех видов) в полной мере служат германскому военному хозяйству».

С беспредельным цинизмом провозглашает «тотальное» ограбление официальный документ, изданный под заглавием «Памятка для ведения хозяйства в завоёванных восточных районах». В этой «памятке» можно прочесть следующее: «Завоёванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мёртвый инвентарь... являются собственностью германского государства». Фашистские бандиты воображают, что всё созданное поколениями граждан СССР, их героическим трудом, весь живой и мёртвый инвентарь одной «памяткой» можно превратить в собственность германского государства.

В приказе, обнаруженном частями Красной Армии в ряде мест Курской и Орловской областей, дан подробный перечень

предметов, особенно, видимо, интересующих военное командование. Это — весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, лампы, кастрюли, клеёнки, шторы, занавески, ковры, патефоны с пластинками. «Все это имущество,— говорится в приказе,— должно быть доставлено в комендатуру. Виновные в нарушении данного приказа будут расстреливаться»¹.

За недоставку такого «военного объекта», как патефон,— расстрел. Таким образом немецко-фашистское военное командование с циничной откровенностью документирует свою бандинско-грабительскую «политику», направленную на ограбление мирных людей.

Грабя и разоряя до тла мирное население, забирая и увозя скот и продовольствие, немецкое командование намеренно обрекает советских граждан на медленное умирание.

«Совершенно неуместно,— поучает «Зеленая папка» Гейринга,— мнение, будто оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Восстановление порядка должно проводиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. А в остальных... экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов».

Планомерно и систематически грабя население, гитлеровские орды увозят из временно оккупированных ими территорий огромные ценности, накопленные трудом советского народа.

Только в 25 районах Тульской области фашистские оккупанты, ограбив советских граждан, отобрали у них 14.408 коров, 11.860 свиней, 28.459 овец, 213.678 кур, гусей и уток, уничтожили 25.465 пчелосемей. В 15 сельсоветах одного только Дзержинского района Смоленской области оккупанты похитили из колхозного имущества: 2.554 лошади, 1.170 коров, 335 свиней, 5.610 кур, забрав, кроме того, из личного имущества колхозников 2.027 коров, 2.138 свиней, 5.297 овец, 44.159 кур, 5.477 пар валеных сапог, 2.439 шуб, 3.208 тёплых платков, 10.431 метров мануфактуры, 3.299 пар мужского белья, 815 пар детского белья, все наличные запасы колхозного и личного зерна, мяса, мёда, овощей, разные другие продукты,

¹ Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.

сельскохозяйственный инвентарь, швейные машины, велосипеды, наличные деньги и т. д.

Ограбление населения — это органическая часть гитлеровской системы ведения войны. Ограбление производят регулярные части гитлеровской военной машины с собственным «хозяйственным командованием», «экономическими штабами», со своей «разведкой», с «инспекциями», «воинскими частями», «отрядами по сбору средств производства», «отрядами по сбору сырья», «военными агрономами», «сельскохозяйственными офицерами» и прочими гитлеровскими бандитами, которые по заданию германской правящей клики заняты планомерным ограблением захваченных советских районов.

Стремясь заинтересовать участников этого ограбления частью добычи, командование германской армии всеми мерами разжигает в подчинённых страсть и любовь к чужому добру.

Подлый гитлеровский сатрап «имперский комиссар» оккупированных немцами украинских областей Эрих Кох в своём обращении к германским военнослужащим — выходцам из Восточной Пруссии обещал раздать земли и другие богатства Украины: «Как имперский комиссар, — заявляет этот грабитель, — я получил богатую почвой и растительностью Украину, которая по воле фюрера (Гитлера. — А. Т.) будет использована для нужд Европы... Доверие фюрера даёт мне возможность обеспечить каждому из вас, чтобы там мои товарищи могли быть моими верными помощниками при решении этой огромной задачи. Я уже однажды дал вам слово, что в завоёванных вами восточных областях вы раньше всех получите предприятия и место работы... Вы и ваши дети наполните немецкой жизнью землю, которая была пропитана немецкой кровью»¹.

Специально созданные германские акционерные общества по сооружению гражданских построек рассылают фашистским солдатам на фронт проспекты вилл на Украине и в Крыму. Кто из них хочет, тот может, прежде чем идти в атаку, строиться в рассрочку. Кому долго и невтерпёж ждать, кому нужны и журавль в небе и скиница в руках, тому рекомендуется захватывать добро, накопленное чужим трудом. Инструкцией германского военного командования от 11 июля 1941 г. предписывается «воспитать у каждого офи-

¹ Из ноты тов. В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.

цера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне».

Здесь грань, отделяющая армию от разбойничьей банды, стёрта до основания.

3. Разрушение городов и других населённых пунктов

Бандитизм, как известно, представляет собою сочетание преступлений против личности с преступлениями против имущества. Гитлеровская система государственного бандитизма также представляет собою соединение убийств и истязаний с грабежами и разрушениями, которые немецкие войска совершают в грандиозных масштабах: десятки, сотни тысяч мирных граждан пали жертвой гитлеровских злодеяний, тысячи городов и селений сожжены, разрушены, превращены гитлеровцами в руины.

В 23 районах Московской области, временно захваченных оккупантами, были полностью разрушены 537 деревень, частично — 928 деревень, полностью разрушены 38 423 жилых дома в деревнях и 5 140 жилых домов в городах, 947 из 1 220 школ, 159 больниц, 54 детских сада и яслей, 491 клуб, 66 пекарен, 109 столовых, 788 магазинов, 1 053 конюшни, 3 169 скотных дворов, 13 610 амбаров и сараев, 747 подсобных предприятий.

В 25 районах Тульской области германская армия полностью сожгла 316 деревень, 19 164 крестьянских дома, 299 школ, 1 950 риг, амбаров, конюшен, скотных дворов. Старинный русский город Старица превращён в руины. Из 866 зданий города Богородицка полностью сожжено 534. В Сталиногорске убытки только по жилищному фонду исчисляются в 278 млн. рублей. В Калуге немецкие оккупанты в течение нескольких дней методически разрушали город, улицу за улицей.

Точно так же планомерно производилось разрушение в десятках других городов русских, на Украине, в Белоруссии, в Молдавии, в Карело-Финской ССР. При отступлении из деревни Большепрелинской Ростовской области по улицам деревни были пущены специальные огнеметные машины, которыми немцы очень быстро сожгли 1 167 домов.

Как и все злодеяния, разрушение гитлеровскими бандитами городов и деревень производится систематически по за-

ранее составленным пособиям и инструкциям. Так, в подписанном полковником Шитник приказе по 512 немецкому пехотному полку предписывается превращать захваченные гитлеровцами районы и области в «зону пустыни». Для того чтобы это злодейство совершалось по всем правилам бандитского искусства, с чисто немецкой бездушностью разработаны специальные «правила» и «порядок» разрушений. На 7 листах этого приказа подробно развивается «план» уничтожения цветущих советских населённых пунктов. «Подготовка разрушения населённых пунктов, — говорится в приказе, — должна производиться так, чтобы: а) до объявления об этом у гражданского населения не возникало никаких подозрений, б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время... в соответствующий день в населённых пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, в особенности с момента объявления о разрушении...»

Приказ от 24 декабря 1941 г. командира 98 германской пехотной дивизии так и называется: «Программа разрушений». В этом приказе даются конкретные указания: «Заминировать населённые пункты: Кузовлево, Чернишня, Орехово, Ольхово, так, чтобы мины не взорвались в то время, когда деревни будут гореть. Следующие местности сжигаются арьергардами (не сапёрами): Кузовлево, Чернишня, Орехово, Ольхово, Серёшкино, Круалино, Успенское, Борисово, Глядово, Искра, Минково. Приготовить эти населённые пункты для зажигания. После отхода арьергарда немедленно зажечь: Истья, Оратово, Таядиново, совхоз «Победа», Машково. Приготовить эти местности для поджигания».

Так поджоги и разрушения превращены в «науку», преподаваемую немецко-фашистским командованием своим солдатам по определённой программе. Не уйти гитлеровцам от суровой ответственности и за эту «программу» разрушения городов и сёл, созданных потом и кровью русских людей.

4. Разграбление и уничтожение культурных ценностей

Каждое государство, каждый народ, каждая нация владеют культурными ценностями, которые являются достоянием всего цивилизованного человечества. Оберегая культурные ценности от расхищения и уничтожения, Гаагская конвенция в ст. 27 устанавливает: «При осадах и бомбардировках дол-

жны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники...».

Однако гитлеровский государственный бандитизм с бесстыдным цинизмом разрушает, грабит, оскверняет культурные ценности, которые дороги народам Советского Союза и всему человечеству. Приводим некоторые из этих бесчисленных злодеяний.

На территории временно захваченных фашистами районов Московской области оккупанты разрушили и разграбили 112 библиотек, 4 музея и 54 театра и кинотеатра. Гитлеровцы разграбили и сожгли знаменитый музей в Бородино, исторические реликвии которого, относящиеся к Отечественной войне 1812 года, особенно дороги русскому народу. Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей Пушкина в посёлке Полотняный Завод. В течение полутора месяцев немцы расхищали и уничтожали принадлежавшие Льву Толстому рукописи, книги, картины в Ясной Поляне. Могила великого писателя немецкие варвары осквернили.

Оккупанты разграбили Белорусскую Академию наук с хранившейся в ней редчайшей коллекцией исторических документов и книг, уничтожили сотни школ, клубов, театров в Белоруссии.

В заявлении советским военным властям, опубликованном в «Правде» 17 ноября 1942 г., штабсфюрер 4-й роты батальона особого назначения Норман Ферстер пишет:

«Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев: украинского искусства, русского искусства, западного и восточного искусства, Центрального музея Шевченко, отправлены в Берлин многие оставшиеся там экспонаты. Среди них были картины, этюды и портреты, написанные Репиным, полотна Верещагина, Федотова, Гесу, скульптура Антокольского и другие произведения русских и украинских художников и скульпторов».

«В Киеве, до вторжения немцев, было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ.

Фашисты закрыли все детские сады, имущество их разграбили, часть зданий использовали под квартиры. Детские сады №№ 14, 107 и 217 приспособили под конюшни, 27 детских садов сожгли и 51 детский сад разрушили. Они разрушили также 13 детских домов, 4 дворца культуры, дом учителя, клуб профсоюза политпросветработников.

Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырёх миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей. Старший лейтенант Шмиц и доктор Паульсен, служившие в частях СС, вывезли в Германию из университетской библиотеки карты, атласы, книги по географии, статистике и экономике.

5 сентября 1943 года немцы сожгли и взорвали один из старейших центров украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году и построенный по проекту архитектора Беретти старшего. В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представлявших исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1.300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев, как, например, зооанатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии; погибли 20 университетских лабораторий, 18 специальных кабинетов и мастерских. В сентябре 1943 года немецкий руководитель архивного дела — доктор Винтер вывез в Каменец-Подольск самые древние документы, хранившиеся в библиотеке университета.

Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева: индустриальный, лесохозяйственный, педагогический им. Горького и другие институты.

В Харькове в библиотеке им. Короленко отобраны и отправлены в Берлин несколько тысяч ценных книг в роскошных изданиях. Остальные книги уничтожены. Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведения Репина, многие работы Поленова, Шишкина и других. Также вывезены все скульптуры и весь научный архив музея. Вышивками, коврами, гобеленами и другими экспонатами воспользовались немецкие солдаты»¹.

В Одессе немецкие и румынские войска разграбили музей западного искусства и художественный музей русского искусства. Картины Перова, Серова, Левитана, Шишкина и других художников, замечательные копии произведений греческих и римских скульпторов, коллекции старинной мебели были увезены в Германию. Из Одесской государственной, публичной библиотеки, насчитывавшей 2 миллиона томов, наиболее ценные экземпляры также увезены в Германию, а все остальные книги уничтожены. Из областной библиотеки в городе Виннице немцы похитили чрезвычайно ценные образцы средневековой рукописной литературы и первые печатные книги XVI и XVII веков. В Полтаве они разграбили и уничтожили областную библиотеку, в которой насчитывалось полмиллиона томов и среди них первые издания Пушкина, Жуковского, Гоголя и других наших писателей. В Ростове-на-Дону гитлеровская грабьярмия сожгла свыше 2 миллионов книг Областной государственной библиотеки, разорила 25 библиотек. Ценнейшие книги, являющиеся редкостью и представляющие огромную научную ценность, немцы уничтожили или вывезли в Германию. Оккупанты разрушили основные корпуса Центральной городской больницы, 1-ю, 3-ю и 4-ю поликлиники, поликлинику железнодорожников и другие медицинские учреждения. Фашистские мародёры вывезли из больниц в Германию ценнейшую медицинскую аппаратуру и инструменты.

Гитлеровские захватчики не щадят и религиозных чувств верующих людей. Сотни церквей на временно оккупированной фашистскими ордами территории разрушены, ограблены и осквернены.

Исполненные жагучей ненависти к русской культуре и к советскому народу, гитлеровцы пытаются ослабить культурную

¹ «Правда», 17 ноября 1942 г.

мощь народов СССР. Тщетная попытка: еще больше крепнет моральная и культурная мощь советского народа, мобилизующего все свои силы на разгром грабителей и осквернителей великих творений русской и общечеловеческой культуры.

«Родина Гёте и Шиллера, Баха и Бетховена, Гумбольдта и Гельмгольца, Гегеля, Маркса и Энгельса, — заявляют лучшие представители германской интеллигенции, — страна памятников высокой культуры и достижений человеческого гения, завоевавшая некогда уважение всего мира даровитостью, высокими моральными устоями, творческим трудом немецких мыслителей и учёных, немецких рабочих и крестьян, — Германия стала ныне разбойничьим вертепом, окружена ненавистью и презрением народов»¹.

**
*

Таковы чудовищные злодеяния Гитлера, его клики и его армий, цинично нарушающих законы и правила ведения войны, совершающих организованные убийства, грабежи, поджоги и другие тягчайшие преступления. При оценке всех злодейств, учинённых гитлеровцами в СССР, полезно напомнить о некоторых высказываниях германского генерального штаба в изданном им в 1902 г. руководстве под названием «Военные обычаи в сухопутной войне». Пытаясь заблаговременно опорочить возможную попытку Англии и Франции использовать во время войны «дикие» колониальные войска, немецкий генштаб писал:

«С вопросом о недозволенных средствах ведения войны тесно связано употребление нецивилизованных и диких народов в европейских войнах. С точки зрения права ни одному государству нельзя, конечно, воспретить привлекать боевые силы из внеевропейских колоний. Однако применение не имеющих понятия о цивилизованном способе ведения войны людей и войск, совершающих всякие запрещённые обычаями войны жестокости и бесчеловечные проступки, прямо противоречит современным стремлениям сделать ведение войны более гуманным и уменьшить страдания. Поэтому применение подобных войск следует приравнять к пользованию упомянутыми выше запрещёнными средствами».

¹ Из «Обращения общественных и политических деятелей Германии к германскому народу», «Правда», 30 января 1942 г.

На опыте нынешней войны весь мир убедился в том, что «дикие» народы — величайшие гуманисты и несомненные культуртрегеры по сравнению с гитлеровскими потомками Канта и Гёте.

В том же руководстве германский генеральный штаб указывает, что нарушением обычаев ведения войны является: «... злоупотребление парламентским флагом или красным (Женевским) крестом с целью беспрепятственно подойти и атаковать; преднамеренное нарушение торжественно заключённого обязательства, например, военного договора, подстрекательство к преступлениям в роде убийства неприятельского начальника, поджога, разбоя и т. п.». «Такого рода преступления, — говорится далее в руководстве, — противоречат даже самым первоначальным правовым понятиям древнего мира о международном праве. Прирождённое всем людям чувство справедливости и живущий в армиях всех культурных государств рыцарский дух клеймили их, как преступления против человеческого правосознания. Неприятель же, который так явно нарушил бы законы чести и справедливости, не должен быть впрямь признаваем равноправным».

Эта оценка германским генеральным штабом преступных действий потенциального врага разит гитлеровскую Германию. При вынесении приговора по делу о злодеяниях гитлеровцев суд должен будет учесть и эту экспертизу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ГИТЛЕРОВЦЫ КАК СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

I

Среди вопросов, которые частично возникают уже в настоящее время и неизбежно возникнут после окончательного разгрома фашистской Германии, не последнее место занимает вопрос о том, на ком именно лежит ответственность за совершённые гитлеровцами неслыханные преступления. В иностранной прессе «горячо» дебатруется вопрос о том, надо ли считать ответственными за войну только национал-социалистов

или также руководителей германской армии или даже весь германский народ, поскольку он терпел диктатуру Гитлера, не восставал против него и покорно участвовал в его грабительских войнах и совершении варварских жестокостей в оккупированных странах. Есть такая школа, которая считает, что германский народ, породивший милитаристическое юнкерство и агрессивный гитлеризм, доказал свою полную порочность и неспособность к мирному сожительству с другими народами и поэтому должен быть самым суровым образом наказан и навеки-вечные оставлен в состоянии штрафной нации... Во главе этой школы стоит один из видных дипломатических деятелей Англии, последние годы не занимающий официального поста, — лорд Ванситтарт. Есть и менее суровые судьи, которые предлагают лишить германский народ прав лишь на определённый период, на время его перевоспитания, причём дело перевоспитания должны принять на себя Объединённые нации, взяв в свои руки всё дело народного образования в Германии. Нет недостатка и в совсем добродушных судьях, которые считают, что стоит только упразднить гитлеровский режим в Германии, освободив от всякой ответственности виновников совершённых преступлений и их пособников, — и всё будет в порядке. Эти взгляды усердно пропагандируются находящейся в Англии и США германской эмиграцией, от бывшего гитлеровца Штрассера до социал-демократов»¹.

Таким образом вопрос о субъектах ответственности за фашистские злодеяния уже теперь вызывает разногласия и решается неодинаково различными общественными группировками: имеются судьи «более и менее суровые», имеются и судьи «добродушные». Как же этот вопрос должен быть решён с политических позиций советского государства на основе принципов международного права и социалистического правосудия?

Вопрос о субъекте преступления обычно не вызывает серьёзных сомнений в теории уголовного права, но он становится очень сложным, когда дело касается определения ответственности за международные деликты. Сложность этой проблемы объясняется прежде всего сложностью политической и юридической природы такого своеобразного субъекта прав, каким является современное государство.

¹ «Война и рабочий класс», 1943 г., № 3.

Каждое государство суверенно. Однако суверенность государства не ставит его вне международного правопорядка или над ним. Поэтому всякое нарушение государством своих международных обязательств является не только актом произвола или насилия, но в то же время и нарушением международного права, правонарушением. Каждое правонарушение—иначе оно перестало бы быть таковым— неизменно влечёт за собою правовые последствия — санкции. Следовательно, нарушение государством своих договорных обязательств также должно обязательно влечь за собою правовые последствия. В этом смысле каждое государство несёт полную ответственность за свои действия. Но какова эта ответственность?

Нельзя упускать из виду, что ответственность — понятие сложное: можно различать имущественную, политическую, моральную, уголовную и иную ответственность. Совершенно обычны такие случаи, когда виновное лицо несёт ответственность одного определённого рода, не подвергаясь иной ответственности.

Так обстоит дело, когда речь идёт о субъектах преступления — физических лицах. Тем более необходимо дифференцировать ответственность, если ставится вопрос о юридическом лице, особенно столь сложной природы, как государство. При разрешении этого вопроса необходимы максимальная чёткость и ясность: следует с полной определённостью признать, что государство может и должно нести политическую ответственность¹ (например, разоружение государства-агрессора), имущественную ответственность (например, возмещение ущерба, причинённого войной). Но может ли государство нести ответственность уголовную?

Некоторые авторы без всякого колебания отвечают на этот вопрос положительно. Из того факта, что государство ответственно за свои неправомерные действия, они делают вывод, что государство может отвечать и в уголовном порядке. Все три автора проектов международного уголовного кодекса признают государство подлежащим за его преступления уголовному суду. В ст. 1 проекта международного уголовного кодекса, разработанного проф. Левитом, прямо сказано: «Запрещаются действия квалифицированные как между-

¹ Отрицание ответственности государств Fauchille считает идеей ложной и опасной („Traité de droit international publique“ 1922, p. 514).

народные преступления, если они совершены государством»; далее в ст. 9 того же проекта говорится: «Нижеследующие наказания применяются к государству, признанному виновным в совершении международного преступления».

В проекте проф. Сальдана также речь идёт, с одной стороны, о преступнике-государстве, а с другой, — о преступнике — физическом лице.

Проф. Пелла в своих «Основных положениях международного уголовного кодекса» идёт ещё дальше, выдвигая в качестве субъекта международных преступлений на первый план государство. «Кроме ответственности государства, — говорится в ст. 3 «Основных положений» Пелла, — имеет также место ответственность физических лиц за совершение действий, нарушающих международный публичный порядок или универсальное международное право».

Итак, с точки зрения авторов проектов международного уголовного кодекса государство — вполне пригодный субъект для привлечения к уголовной ответственности¹. Защищать такой тезис можно, только игнорируя основные принципы уголовного права и особую политическую природу государства.

В области уголовного правосудия центральная проблема — проблема виновности: без вины нет уголовной ответственности. Вина в уголовном праве выражается в двух формах: в форме умысла и в форме неосторожности; только физическое лицо способно действовать умышленно или неосторожно. Государство так действовать не может, как не может оно и сидеть на скамье подсудимых. Непреодолимые затруднения встают и в области ведения судебного процесса: государство не может задавать вопросы свидетелям, произносить последнее слово и т. д.

Следовательно, ни принципы материального уголовного права, ни формы уголовного процесса — словом, ни одно из начал уголовного правосудия не осуществимо при попытке

¹ Весьма поучительно, что юристы-международники, в отличие от криминалистов Пелла и Сальдана и других, напротив, склонны отрицать допустимость уголовной ответственности государства (например, Le Fur, „Precis de droit international public“, 1937, стр. 402). В другой работе Le Fur прямо говорит, что отрицание уголовной ответственности государств — господствующая в теории международного права точка зрения („Dictionnaire diplomatique“ т. II, стр. 578).

Допустимость уголовной ответственности юридических лиц признаёт Местр в обширной монографии „Les personnes morales et le problème de leur responsabilité“, 1899, стр. 5.

передать уголовному суду такую сложную, своеобразную и включающую многомиллионную массу населения фигуру, как современное государство.

Конечно, из того факта, что нельзя судить и наказывать государство, отнюдь не следует, что при всех условиях государство должно остаться неприкосновенным. Каждое государство должно нести ответственность за последствия своих действий, своей политики. Государство же, вовлекшее весь мир в катастрофу войны, государство, превратившее войну в военизированный бандитизм, гитлеровское государство должно понести за последствия, вызванные его преступными действиями, максимальную ответственность: его необходимо сокрушить. Но сокрушение «третьей империи» должно произойти не в результате судебного процесса, не на основании судебного приговора. Гитлеровское государство будет сокрушено военной мощью миролюбивых народов, объединившихся в борьбе за мир, свободу и демократию.

Уголовная неуязвимость государства порождает другой вопрос — об уголовной ответственности тех физических лиц, которые представляют государство и действуют его именем. Общепризнанная в международном праве ответственность государства, политическая и материальная, возникает в результате деятельности органов государства, его уполномоченных, его агентов: их действия — источник обязательств государства. За преступные действия, чинимые именем государства или по его уполномочию, несут ответственность фактически совершающие эти действия, конкретные носители государственной власти, её представители, её агенты.

Это положение вполне соответствует основным принципам уголовного правосудия, так как в указанных случаях речь идёт вовсе не о переложении ответственности во время суда с государства на его представителей: уголовная ответственность и здесь, как везде и всегда, неперелагаема, а физические лица отвечают за себя, за свои преступные действия, совершённые именем государства.

Уголовная ответственность лиц, действующих именем государства, естественная при любой форме государственного устройства, особенно справедлива в Германии, где господствует тирания, где народ безмолвствует и политика опреде-

ляется единоличной волей тирана и интересами поддерживающих его групп.

Уголовная ответственность физических лиц, действующих от имени юридического лица, находит признание и в действующем уголовном законодательстве. Так, ст. 172 швейцарского уголовного кодекса 1937 года устанавливает:

«Если одно из преступных деяний, предусмотренных в ст.ст. 147 и 163—170, совершено в правлении юридического лица, то наказание применяется к директорам, уполномоченным, членам правления или ревизионного органа или к ликвидаторам, совершившим преступное деяние.

Если одно из этих преступных деяний совершено в правлении полного товарищества, товарищества на вере или товарищества с ограниченной ответственностью, то наказание применяется к членам товарищества, директорам, уполномоченным или ликвидаторам, совершившим преступное деяние».

II

Развитые выше положения об уголовной ответственности физических лиц, действующих от имени государства, встречают порой возражения теоретиков международного права. Аргументация противников изложенной точки зрения в основном сводится к следующему.

Если государство — и только оно — субъект международно-правовых отношений, утверждают некоторые авторы, если государство и только государство заключает договоры и принимает на себя обязательства, то отвечать за нарушение договоров, за международные преступления должно также само государство, а не физические лица, договоров не заключавшие и обязательств на себя не принимавшие. Так, Штрупп утверждает: «Интернациональным деликтом является всякое от государства исходящее, из международного права проистекающее действие, которое причиняет ущерб правам другого государства». И далее: «Действия, которые не государством совершены, международному праву безразличны»¹.

Бесспорно общее положение: международные отношения — это сфера межгосударственных отношений. Всякая международно-правовая норма — источник прав и обязанностей государства. Субъект международного права — государство.

¹ Karl Strupp, „Grundzüge des positiven Völkerrechts“, 1928, S. 152, 154.

Но можно ли отсюда делать вывод, что в таком случае отдельные физические лица, не заключающие международных конвенций, не приобретшие по этим конвенциям прав и обязанностей, безусловно и всегда безответственны, каково бы ни было их отношение к этим конвенциям? Эти лица, следовательно, в праве чинить препятствия исполнению заключённых государством договоров, они могут безнаказанно посягать на защищённые этими договорами важнейшие интересы, — могут потому, что они обладают уголовным иммунитетом благодаря заключению договора «государством», а не ими.

Можно детально не разбирать весьма своеобразную ситуацию, создающуюся в результате подобных рассуждений: государство не может нести уголовную ответственность за международные деликты, потому что только физические лица могут быть субъектами преступных действий, а физические лица не должны отвечать за международные деликты по той причине, что только государство — субъект международно-правовых отношений. Но если за тягчайшие преступления против международного права и человечества, за вероломную агрессию, за истязания военнопленных, за насилия над мирными гражданами не ответственны ни государство, ни физические лица, то кто же, в конце концов, должен за всё это отвечать?

Юридический и логический дефект вышеприведенных утверждений, согласно которым только государство несёт ответственность за нарушение международного права, заключается в смешении двух не совпадающих понятий: субъекта международно-правовых отношений и субъекта посягательств на международно-правовые отношения. Совершенно ошибочен тезис, что посягать на определённый круг отношений могут лишь лица, обладающие правами и обязанностями в сфере этих отношений. В доказательство ошибочности этого тезиса можно сослаться на постановления советского законодательства о воинских и должностных преступлениях. В области воинской и должностной службы лишь воинские чины и должностные лица наделены определённым кругом прав и обязанностей. Однако совершенно бесспорно, что посягать на правильное течение воинской и должностной службы могут и частные лица. Таковы постановления социалистического права, прямо выраженные в примечании 2 к ст. 193 УК РСФСР. Таков неизменный путь советской су-

дебной практики, таково и веление фактов, раскрытых в борьбе с гитлеровской агрессией¹.

Приведём следующий пример. Ст. 23 Гаагской конвенции 1907 г. воспрещает «употреблять яд или отравленное оружие»; генерал У, командующий армией государства Х, подписавшего Гаагскую конвенцию, издал приказ об употреблении отравленного оружия. Кто и как должен отвечать за эти действия?

Государство может и должно отвечать политически и материально за ущерб, причинённый запретными методами ведения войны, но не может нести уголовную ответственность за эти методы как в данном, так и в других случаях. С другой стороны, генерал У, по Штруппу, также не совершает международного деликта: «действия, которые не государством совершены, международному праву безразличны». Таким образом прямое и злостное нарушение общепризнанных правил ведения войны оказывается вне сферы уголовного воздействия.

В действительности, конечно, создаётся иное положение: субъект Гаагской конвенции — государство Х, а субъект уголовно наказуемого посягательства на защищённые этой конвенцией интересы — генерал У.

Правда, в ряде случаев преступные действия отдельных лиц могут оказаться под ударом национального уголовного законодательства, карающего за убийства, изнасилование и другие преступления. Ст. 28 главы VIII Женевской конвенции 1906 г. для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях специально предусматривала обязанность отдельных государств издать национальные законы в защиту раненых и больных. «Правительства, подписавшие конвенцию, — говорится в ст. 28 этой конвенции, — обязуются принять или предложить на утверждение своих законодательных учреждений, в случае недостаточности их военно-уголовных законов, необходимые меры для преследования во время войны отдельных случаев грабежа и дурного обращения с больными и ранеными армий...» (Почти дословно повторяет это ст. 29 Женевской конвенции 1929 г.).

¹ Лист, вводя искусственное различие между «международно-правовым деликтом» и «деликтом против международного права», в случае второго деликта, т. е., когда речь идёт именно об уголовной ответственности, допускает в качестве субъекта «всегда отдельное лицо, никогда — государство» («Международное право», 1923 г.).

Однако такие тягчайшие преступления, как вероломная хищническая агрессия, как злодейские нарушения конвенций, как организация «пятых колонн» в других государствах и многие другие преступления против основ международного общения, особо не предусмотрены национальным уголовным законодательством¹.

Таким образом круг субъектов международных преступлений определяется достаточно чётко. Государство не может быть освобождено от ответственности за преступления во время войны. Эта ответственность весьма серьёзна, но она является политической и материальной ответственностью. Уголовную же ответственность за совершённые преступления должны нести конкретные физические лица, виновники совершённых преступлений.

Таков общий принцип. Он должен быть конкретизован для того, чтобы виновники гитлеровских злодеяний выступили в подлинном свете — каждый на своём месте и в своей роли. С решением этого вопроса связана другая важная проблема — проблема соучастия в международных преступлениях.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОУЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ. ГИТЛЕРОВСКАЯ КЛИКА

I

В «Обращении общественных и политических деятелей Германии к германскому народу» говорится: «Какие безмерные преступления творятся на Восточном фронте, какая вина ложится — за соучастие в них на ваших мужей, братьев, сыновей, этого вы ещё не сознаёте, немецкие мужчины и немецкие женщины». И далее: «...Мы тоже убеждены, что многие германские солдаты не пали так низко, чтобы самим участвовать в этих зверствах. Но миллионы немцев на фронте и в стране, которые не находят в себе мужества подняться

¹ «Нарушения международной морали, нарушения договора, посягательства на нейтралитет, бесчеловечные методы ведения войны, ссылка гражданских лиц, ненужные разрушения, — столько, к сожалению, преступлений, не известных всем действующим кодексам» Loubat „Nécessité du droit des gens“, 1920).

против этого позора и положить ему конец, тем самым становятся соучастниками этих преступлений»¹.

«Миллионы немцев на фронте и в стране», весь немецкий народ повинен в тягчайших злодеяниях гитлеровцев. Вина эта огромная и тяжкая, и немецкому народу придётся за неё отвечать политически, морально и материально. Однако ответственность германского народа не может быть определена в уголовно-правовом порядке². Нельзя весь немецкий народ предать уголовному суду в качестве многомиллионного коллективного соучастника гитлеровских преступлений. Это не только практически невыполнимо, это было бы политически неправильно. Необходимо постоянно иметь в виду указание товарища Сталина: «... Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся»³.

Следовательно, при разрешении уголовно-правовой проблемы ответственности гитлеровцев нельзя довольствоваться общим тезисом: «повинен весь германский народ». Необходимо реально и конкретно определить, какие группы, какие лица должны быть признаны вдохновителями, организаторами, пособниками и исполнителями гитлеровских злодеяний и в связи с этим должны нести уголовную ответственность. Вопрос об ответственности соучастников гитлеровских злодеяний приобретает таким образом весьма важное значение.

Учение о соучастии — один из самых сложных разделов теории уголовного права⁴. Особенно сложно решение вопроса об уголовной ответственности за соучастие в международных преступлениях.

В отличие от общеуголовных преступлений международные почти всегда совершаются не одним лицом, а несколькими, многими лицами — группой, бандой, кликой. Соучастники международных преступлений весьма своеобразны по за-

¹ «Правда», 30 января 1942 г.

² Правильны высказывания по этому вопросу одного из исследователей преступлений немцев в войну 1914—1918 гг. «Нация в целом виновна и должна быть наказана в лице всех тех её членов, которые приводили в исполнение план ненависти и мести, к которым письмо Вильгельма (к Францу-Иосифу. — А. Т.) дало руководящее указание». (A. Mérignac, De la sanction des infractions au droit des gens, „Revue générale“, 1917, январь—февраль).

³ Приказ Народного Комиссара Обороны 23 февраля 1942 г.

⁴ См. нашу монографию: «Учение о соучастии», 1941.

нимаемому ими официальному положению и по своему социальному составу. Это не Иваны, не помнящие родства, не имеющие ни кола, ни двора. Это — «титулованные особы», социальные верхи, министры, генералы, «лидеры». Но особая сложность ответственности за соучастие в международных преступлениях определяется, конечно, не высокими чинами и титулами соучастников. Сложность и исключительное своеобразие конструкции соучастия в международных преступлениях создаются чрезвычайно сложной связью между отдельными соучастниками международных деликтов.

Для уточнения особенностей этой связи остановимся прежде всего на фигуре исполнителя.

В обычном смысле, в понимании национального уголовного права исполнитель непосредственно совершает состав преступного действия: убивает, крадёт, насилует. Исполнитель же международного преступления не выполняет и не может выполнять эту «чёрную работу», чисто техническую роль: сам он обычно не убивает, не крадёт, не насилует. Но он всё же исполнитель, хотя и в ином, особом и более опасном, смысле. Особенность роли исполнителя международного преступления заключается в том, что он действует не только сам, но и при помощи сложного исполнительного аппарата. В руках международных преступников целые массы людей становятся орудием тяжчайших преступлений, подобно тому как орудием преступления в руках убийцы становится нож. Правда, исполнение при помощи другого лица известно и национальному уголовному законодательству, однако там оно встречается редко и носит особый характер (совершение преступления при помощи ребёнка, при помощи умалишённого и т. д.).

При соучастии в международных преступлениях использование других лиц — явление обычное¹. Здесь эти лица, использованные в качестве орудия преступления, — не умалишённые и не дети. Напротив — они и сами уголовно

¹ Как при анализе понятия международного деликта, так и при конструкции соучастия в международном деликте буржуазные теоретики упорно концентрируют своё внимание на внешних, формальных или территориальных признаках. Так, согласно ст. 39 проекта международного уголовного кодекса проф. Сальдана «международное соучастие имеет место всякий раз, когда преступлению, совершённом на территории одной страны, помогали или способствовали прямым или косвенным образом лица, находившиеся на территории другой страны».

ответственные исполнители преступлений. В сфере международного уголовного права таким образом возникает весьма своеобразная правовая ситуация: основной исполнитель преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей. Это необычное, так сказать, двухстепенное исполнение становится возможным вследствие того, что первый, основной исполнитель и использованные им лица являются исполнителями разных преступлений: один — исполнитель международного преступления (например, нарушения конвенции о законах и обычаях ведения войны), другие — исполнители общеуголовных преступлений (убийства, поджоги и т. п.).

Такова уголовно-правовая ситуация в области международных преступлений. Таковы и факты, характеризующие гитлеровскую войну.

Рядовой фашистский вояка жесток, туп и жаден. Он грабит и убивает, подстрекаемый инструкциями начальства, он грабит и убивает также по собственной инициативе, одержимый алчностью и жестокостью сорвавшегося с цепи зверя. Но гитлеровские солдаты — не вдохновители и не организаторы государственного бандитизма. Они озабочены не решением важных для фашистской клики вопросов, а успехом своих личных разбойничьих действий. Поэтому германский солдат, убивающий мирных советских граждан, насилюющий женщин или сжигающий колхозные строения, отвечает именно за эти преступления (бандитизм, убийство, изнасилование, поджог).

Гитлеровские солдаты, следовательно, исполнители этих общеуголовных преступлений.

В ином, особом положении находится гитлеровское начальство — германские командующие верхи. Они — создатели и проводники всей системы злодеяний, совершаемых немецко-фашистскими захватчиками. Поэтому было бы глубоко ошибочно рассматривать их только как соучастников (организаторов, подстрекателей, пособников) общеуголовных преступлений, совершённых и совершаемых германскими войсками.

Ответственность верхов иного рода, другого качества: они повинны и в других, и мы лично совершённых и ещё более тяжких преступлениях — в создании и проведении политики, представляющей собою сплошное надруга-

тельство над основами международного права и систему организованного государственного бандитизма. Гитлеровские верхи — исполнители этих международных преступлений.

Таким образом исполнитель в смысле национального уголовного права и исполнитель в смысле интернационального уголовного права — не вполне тождественные фигуры. Оба они выполняют состав конкретного преступления, и в этом смысле они — бесспорные исполнители. Но их глубокое различие заключается в том, что оба исполнителя совершают различные составы: один — состав общеуголовного преступления (он поэтому обычно действует один), а другой — состав международного преступления (он поэтому обычно действует при помощи многочисленного людского аппарата).

В результате — и в этом другая особенность конструкции соучастия в международных преступлениях — в сфере международного уголовного права возникает своеобразная форма идеальной совокупности: здесь при помощи одних и тех же действий совершается несколько преступлений в разных формах соучастия. Конкретно это выражается в следующем. Гитлер и его клика, создавшие при помощи ряда мероприятий систему военизированного бандитизма, являются, во-первых, организаторами и подстрекателями общеуголовных бандитских преступлений (убийств, изнасилований, грабежей и других злодеяний, совершаемых солдатами германской армии) и, во-вторых, исполнителями международных преступлений (нарушение конвенции о законах и обычаях ведения войны и др.).

II

К группе тяжчайших преступников в смысле как национального, так и интернационального уголовного права должны быть отнесены прежде всего глава нынешнего германского правительства и его члены — Гитлер и гитлеровские министры. Это — самая опасная и наиболее свирепая группа международных преступников. Она выполняла центральную роль в подготовке, организации и осуществлении величайшей в истории человечества катастрофы. Поэтому Гитлер и его министры должны понести ответственность как основная, центральная группа международных преступников.

С немецко-фашистской правительственной группой неразрывно связана другая политическая группировка — большие и

малые «фюреры» фашистской партии. Законом 1 декабря 1933 г. «Об обеспечении единства партии и государства» фашистская партия была органически связана с государственным аппаратом. Руководители гитлеровских министерств являются одновременно и вождями партии. Лица, возглавлявшие органы власти на местах, — вместе с тем и руководители местных партийных организаций.

Из такой структуры бесспорен следующий вывод: крепко спаянные в своей политической и правительственной деятельности, «фюреры» правительственные и «фюреры» партийные должны одинаково нести ответственность за гитлеровские злодеяния. К этой же преступной правительственной и партийной верхушке должно быть отнесено и немецкое военное командование, организующее бандитские действия фашистских армий и руководящее этими действиями.

Непосредственно к этой группе нацистских бандитов примыкают и многочисленные уполномоченные и представители, наместники и гаулейтеры, проводящие в жизнь политику террора, грабежа и насилий на оккупированных территориях и в самой Германии.

В ноте товарища В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. указывается:

«Советское Правительство возлагает, прежде всего, на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил ведения войны.

Советское Правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезённых из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское Правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главари гитлеровской Германии, должны понести также уже избранные преступники, как «главный уполномоченный по использованию рабочей силы» гаулейтер Фриц Заукель и гитлеровские наместники на захваченных советских землях: «рейхскомиссар Украины» Эрих Кох, «рейхскомиссар Остланда» (территории Литовской, Латвийской, Эс-

тонской и Белорусской советских республик) Гейнрих Лозе и его помощник — «генеральный комиссар Белоруссии» Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимающий пост «имперского министра по делам оккупированных восточных областей».

Гитлер и его министры, руководители фашистской партии, немецкое военное командование, уполномоченные гитлеровского правительства непосредственно проводили политику государственного бандитизма, заключающуюся в планомерном осуществлении всей системы международных преступлений: вероломной агрессии, террора, нарушения международных обязательств, нарушения законов и обычаев ведения войны, организации военного бандитизма. Все эти величайшие преступления против закона и цивилизации, все эти тягчайшие злодеяния, совершённые против целых народов, — дело рук гитлеровских верхов, хотя и не их руками сжигаются города и убиваются мирные граждане. Фашистские главари — подлинники организаторы и исполнители международных преступлений.

Такова первая группа тягчайших международных преступников.

Хорошо известно, что фашистские правящие верхи, гитлеровская клика, имеют свою «социальную базу»: их поддерживают германские мощные финансовые и хозяйственные концерны. Гитлеровское правительство рядом мероприятий содействовало концентрации предприятий и капиталов, созданию в стране плеяды промышленных и финансовых «фюреров». Например, законом 15 мая 1933 г. отдельные предприятия были принудительно присоединены к картелям. По закону 30 января 1937 г. акционерные общества с капиталом до 100 тыс. марок подлежали ликвидации, и впредь разрешались лишь общества с капиталом не менее 500 тыс. марок.

По данным 1935 г., в Германии было 7.840 акционерных компаний с капиталом в 19,6 млрд. марок, при чём капиталом в 4 млрд. марок владели 15 крупнейших концернов («Фарбен-индустри», Крупп и др.), капиталом в 6,7 млрд. марок — 56 концернов. За последние — предвоенные и военные — годы концентрация монополистических объединений в Германии происходила бесспорно в ещё более крупных размерах. Образовался мощный слой финансовых и промышленных магнатов.

Их политическая позиция ясна: это — хозяева, на которых ревностно работает фашистская государственная машина. Какова же их роль с точки зрения уголовно-правовой?

При разрешении этого вопроса необходимо учесть другие, весьма существенные особенности соучастия в международных преступлениях, особенности, связанные со своеобразной природой понятия «кликки».

Соучастие — явление сложное: оно охватывает разнородные соглашения преступников — от простого сговора двух воров до сложной организации контрреволюционеров. Когда соучастие принимает опасную форму участия в организации, банде, блоке, шайке, заговоре, т. е. участия в объединении, созданном для совершения преступлений, связь и взаимоотношения соучастников соответственно принимают более сложные формы: член банды может не знать всех членов своей банды, но в то же время он должен отвечать за все её преступные действия. Это положение было чётко сформулировано в речи А. Я. Вышинского на процессе антисоветского право-троцкистского блока.

«Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из её участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то, хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершённых раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объёме, если только будет доказано, что они согласились насчёт участия в этой банде для совершения тех или других преступлений»¹.

Таким образом более сложные формы соучастия в общих преступлениях (участие в организации, банде, блоке и т. д.) приобретают новые черты, и отдельные соучастники, не зная друг друга, должны отвечать за «всю совокупность преступлений», совершённых всеми соучастниками. Совершенно очевидно, что ответственность соучастников международных преступлений ещё сложнее: здесь действует очень

¹ Судебный отчёт по делу антисоветского «право-троцкистского блока», М., 1938, Юриздат НКЮ СССР, стр. 612.

разветвлённый аппарат, слагающийся из целой системы звеньев, здесь поэтому нити, связывающие отдельных соучастников, ещё более спутаны, тоньше.

В уголовно-правовом смысле именно в этой усложнённой связи соучастников грань, отделяющая «клику», как объединение международных преступников, от «банды», как объединения уголовных элементов, или от «организации», как объединения контрреволюционеров. Эта особенность клики и её пособников находит своё выражение в конкретной деятельности соучастников.

Герман Бюхер, владелец германского электроконцерна, или Эрнст Пенген, стальной король, конечно, физически не помогают расползшимся по Европе гитлеровским солдатам и офицерам грабить мирное население, жечь колхозное добро. Однако эти финансовые магнаты, всемерно поддерживающие гитлеровскую клику, своими средствами, заводами, пушками оказывают реальную помощь фашистским злодеям, укрепляют систему гитлеровского государственного бандитизма.

Поэтому немецкие финансовые и промышленные верхи также должны быть привлечены к уголовной ответственности. Определяя политику фашистской власти и помогая проведению этой политики в жизнь и таким образом объединяя свою волю «в общем и едином для всех участников преступлений направлении», немецкие финансовые магнаты являются соучастниками — организаторами и пособниками фашистских злодеяний. Это особенно относится к тем, кто непосредственно наживался на военном грабеже. В августе 1943 года, в те дни, когда под мощными ударами Красной Армии стремительно откатывались на запад фашистские захватчики, трест «Рейхсверке Герман Геринг» создал «Украинское акционерное общество стали». Организаторы подобных «обществ», воры и грабители, наживающиеся во время войны на крови миллионов людей, не должны остаться вне уголовного правосудия.

Не могут и не должны уйти от уголовной ответственности и частные лица, не состоящие в армии и не занимающие никаких должностей, совершившие преступления, связанные с войной. В особенности необходимо отметить два рода таких преступлений: эксплуатация подневольного рабского труда и скупка вывезенного из оккупированных областей заведомо награбленного имущества.

Эти обе группы деяний содержат все признаки уголовно-наказуемых деяний. Те трудовые отношения, которые склады-

ваются в Германии между импортированным работником и его хозяином, это — отнюдь не отношения найма даже в смысле эксплуататорского права капиталистического государства, права, при котором предполагаются, по крайней мере формально, свободное распоряжение нанявшегося своей рабочей силой и некоторый, хоть и очень скудно регламентированный, режим труда. Насильственный же увод людей в немецко-фашистское рабство, приобретение хозяином неограниченной власти над работником и жесточайшая эксплуатация последнего — все эти факты и действия образуют состав ряда преступлений, известных любому уголовному кодексу: истязаний, незаконного лишения свободы, телесных повреждений и др.

С полным основанием поэтому нота товарища В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. указывает: «Советское Правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своём домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причинённые ими советским людям бесчисленные лишения и страдания».

Приобретение вывезенного из оккупированных областей оборудования заводов и фабрик или принадлежащих отдельным организациям фабрик, имений и домов на оккупированной территории — не что иное, как покупка заведомо краденого имущества, за которую частные лица должны нести в полной мере уголовную и материальную ответственность.

Таким образом с точки зрения уголовно-правовой члены фашистской организации международных преступников играют следующую роль: Гитлер и его министры, руководители фашистской партии, командование германской армии — Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг и другие члены гитлеровской клики являются организаторами и и с п о л н и т е л я м и; поддерживающие их руководители финансовых и промышленных концернов — организаторами и п о с о б н и к а м и ¹ тягчайших посягательств на основы международного общения и человеческой морали. Все члены гитлеровской клики — не только участники международной банды преступ-

¹ Выполнение одним лицом нескольких функций — обычное явление при совершении преступлений по соучастию. Так, организатор и пособник хищений нередко участвуют и в самом хищении имущества.

ников, но и организаторы неисчислимого множества общеуголовных деяний (убийств, грабежей, разрушений и т. д.), чинимых гитлеровскими захватчиками.

За эти общеуголовные преступления должны нести полную ответственность также конкретные виновники отдельных преступлений — непосредственные убийцы, поджигатели, насильники, эксплуататоры рабского труда и скупщики заведомо краденого.

Суровая кара должна постигнуть всех повинных в тягчайших злодеяниях против культуры и человечества, всех без исключения гитлеровских преступников — от ефрейтора-рядового до ефрейтора на троне.

III

Харьковский процесс над германскими преступниками, прошедший в декабре 1943 г., послужил поводом для постановки двух специальных вопросов, связанных с уголовной ответственностью гитлеровцев: вопроса об уголовной ответственности военнопленных и вопроса о значении приказа. Оба эти вопроса заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Как было отмечено выше, Гагская конвенция 1907 г. довольно подробно регламентирует положение военнослужащих, взятых в плен. Согласно ст. 4 Гагской конвенции — «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Всё, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остаётся их собственностью». Согласно ст. 6 Гагской конвенции работы, к которым государство может привлекать военнопленных, «не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям» и т. д.

В силу этих и других аналогичных постановлений Гагской конвенции военнослужащий любой армии, оказавшись в плену, в праве, конечно, рассчитывать на внимательное отношение к его интересам и нуждам. Поэтому нельзя изнурять военнопленных трудом и голодом; поэтому нельзя судить и карать военнопленных за действие, совершённое ими в условиях боевой обстановки, — например, за нанесение ран или причинение смерти в бою. Но безнаказанность военнопленных не может, конечно, быть абсолютной и беспредель-

ной. Не должна и не может дорога в плен превращаться в путь к всепрощению, в путь к «тотальной» амнистии всего без исключения, что сотворил военнослужащий до плена.

Можно привести следующий пример. Два лица — Иванов, гражданин СССР, и немецкий подданный Мюллер — совершили в 1940 г. убийство на территории СССР. Иванов был пойман и осуждён. Мюллер бежал в Германию, был там мобилизован, отправлен на Восточный фронт, здесь взят в плен частями Красной Армии, а затем разоблачён как главный участник убийства, совершённого в 1940 г. Можно ли защищать тезис, что в отличие от осуждённого Иванова главный виновник убийства Мюллер должен остаться недосыгаемым для суда и наказания на том единственном основании, что он, Мюллер, попал в плен?

Между тем преступления, совершённые пленёнными гитлеровцами, как известно, неизмеримо тяжелее — тяжелее не только потому, что число их жертв неисчислимо, что жертвы эти умирали мученической смертью: гитлеровские преступления тяжелее и потому, что они совершались людьми, которые были обязаны блюсти законы и правила войны, а на деле жестоко их нарушили и тем самым, по существу, сами поставили себя вне режима войны.

На Харьковском процессе подсудимый Риц сказал: «Я — солдат». Это — клевета на солдата. Солдат сражается на поле брани; солдат сражается с солдатом, вооружённый — с вооружённым. Осуждённый Риц, как установил приговор по Харьковскому процессу, занимался совершенно иным, не солдатским делом: он истязал и расстреливал ни в чём не повинных мирных граждан. Из-за этих совершённых им бесчеловечных злодеяний Риц перестал быть солдатом ещё до того, как был схвачен частями Красной Армии, и, следовательно, не стал военнопленным, будучи схвачен, Риц — пойманный и разоблачённый преступник. И законы войны должны быть обращены с особой силой против него, выступавшего в двойной роли — бандита и военнослужащего.

Именно в этом смысле ст. 29 Женевской конвенции 1929 г. установила: «Правительства высоких договаривающихся сторон равным образом примут или предложат на утверждение своих законодательных учреждений в случае недостаточности их уголовных законов необходимые меры для преследования во время войны всякого действия, противоре-

чащего постановлениям настоящей конвенции». В полном соответствии с приведенным постановлением ст. 29 Женевской конвенции Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. дал советскому суду надлежащее орудие для безотлагательной борьбы с преступлениями войны.

Принцип ответственности военнопленного за преступления войны, совершённые им до пленения, нашёл полное признание в Руководстве о сухопутной войне, изданном германским генеральным штабом в 1902 г. В этом руководстве указано: «Кто нарушает одно из этих запрещений¹, должен быть привлечён к ответственности своим же правительством. Если же он попал в плен, он подлежит наказанию по законам военного времени»², т. е. по законам, конечно, стороны, взявшей преступника в плен.

Ответственность военнопленных за совершённые до пленения преступления войны признана и судебной практикой различных стран. В период первой мировой войны, в феврале 1915 г., французский суд в Ренне осудил пленного немецкого солдата за совершённые им ранее поджог и убийство раненых.

Ответственность военнопленных за преступления против законов и обычаев войны, совершённые до пленения, признана крупнейшими авторитетами в области международного права. В этом отношении заслуживает особого внимания следующее.

Парижская конференция по заключению предварительного мира на пленарном заседании 25 января 1919 г. избрала специальную комиссию в составе 15 человек по вопросу об уголовной ответственности за преступления войны. В эту комиссию вошли виднейшие государственные деятели и теоретики международного права: от США — Лансинг, от Франции — Тардьё, от Бельгии — Ролен Жакменс, от Греции — Политис, от Италии — Амеллио и др. После двухмесячной работы комиссия в заседании 29 марта 1919 г. подготовила доклад, в котором, между прочим, было указано, что согласно общим началам международного права: «Каждая воюющая сторона имеет достаточно власти и авторитета, чтобы судить лиц, предполагаемых виновными в совершении преступлений . . . , которые относятся к нарушениям законов и обычаев войны, если эти лица

¹ Речь идёт в данном случае о нарушении правил, воспрещающих пользование на войне разрывными пулями, и т. п.

² Стр. 11 Руководства.

будут взяты в плен или иным путём попадут во власть этой стороны. Всякая воюющая сторона имеет, а если не имеет, то может учредить у себя согласно собственному законодательству суд, гражданский или военный, приспособленный к тому, чтобы рассматривать такого рода дела»¹.

Таким образом комиссия 1919 года, образованная из представителей 10 государств и включавшая виднейших специалистов в области международного права, с исчерпывающей ясностью признала ответственность военнопленных за преступления войны. С той же определённой должен быть разрешён и второй вопрос — о значении приказа.

Конечно, армия не может существовать без строжайшей дисциплины. Во время войны требование дисциплинированности приобретает величайшее значение. Но всегда и всюду речь может идти только о войсковой дисциплине. Приказ бросать в огонь детей и женщин, приказ отравлять невинных в «душегубке» — по существу не воинский приказ: это — подстрекательство к злодеяниям, за которые и подстрекатели, и исполнители могут и должны нести полную ответственность.

Даже лейпцигский суд в июле 1921 г. по делу одного из преступников войны 1914—1918 гг. — офицера Дитмара, торпедировавшего по приказу командира подводной лодки английское госпитальное судно и стрелявшего по спасательным шлюпкам, признал, что приказ начальника не освобождает подчинённого от уголовной ответственности за совершённое преступление, так как преступность отданного приказа была очевидна. Более того, изданный во время настоящей войны, 15 октября 1940 г., германский военно-уголовный кодекс устанавливает, что подчинённый, выполнивший приказ, подлежит уголовной ответственности, «если ему было известно, что приказ начальника содержит действие, являющееся общеуголовным или воинским преступлением или проступком» (§ 47). Преступный, противочеловеческий характер гитлеровских злодеяний отчётливо виден каждому немецкому солдату. Приказ, таким образом, не может служить спасательным «дотом», куда мог бы укрыться виновный в преступлениях войны.

¹ Цитировано по рукописи А. Гойхбарга «Дипломатическая переписка и германское законодательство 1919—1920 гг. о суде над военными преступниками».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ О ГИТЛЕРОВСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Вопросы подсудности играют значительную роль в организации борьбы со всеми преступлениями; особую важность они приобретают, когда приходится бороться с международными деликтами и возникает проблема взаимоотношений между национальной и международной юрисдикцией.

В общей форме и в отношении гитлеровских преступлений можно признать правильным так называемый территориальный принцип: преступление подлежит суду того государства, на территории которого оно совершено. В соответствии с этим принципом будут проведены судебные процессы в СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции и других странах по обвинению гитлеровцев в злодеяниях, совершённых ими на территории этих государств.

Тот факт, что преступления эти совершались на территории, временно оккупированной Германией, ни в какой мере не меняет подсудности. Гагская конвенция 1907 г. признаёт силу законов, действующих на территории государства, даже в момент её оккупации. Так, ст. 43 этой конвенции устанавливается: «С фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится непреодолимого препятствия. С освобождением занятой неприятелем территории сила национальных законов естественно восстанавливается в полной мере».

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 декабря 1941 г. «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступление в местностях, временно занятых неприятелем», с полным основанием указывается: «Согласно ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, все лица, находящиеся на территории СССР (кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан), подлежат за совершённые ими

на территории СССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления»¹.

Из того, что в приведённом постановлении говорится о всех лицах, за исключением лишь пользующихся экстерриториальностью, непосредственно следует, что иностранцы, в том числе военнослужащие германской армии, совершившие преступления на территории СССР, временно оккупированной немецкими захватчиками, подлежат ответственности по уголовному кодексу соответствующей республики.

Незыблемость суверенных прав государства, в частности права юрисдикции на временно оккупированной территории, не вызывает сомнений и у теоретиков международного права. «Право воюющего государства привлекать к ответственности и наказывать солдат враждебной армии за преступления, совершённые на территории этого государства, должно быть признано в интересах справедливости и тогда, когда эта территория в момент совершения преступления была оккупирована»².

В заявлении Рузвельта, сделанном в августе 1942 г., прямо сказано, что виновники злодеяний должны будут предстать перед судом «... в тех самых странах, которые они сейчас угнетают...».

Полную определённость в вопрос о подсудности дел о злодеяниях, совершённых фашистскими войсками на временно оккупированных территориях, внесла декларация Сталина, Рузвельта и Черчилля от 2 ноября 1943 г. «В момент предоставления любого перемирия,— говорится в декларации,— любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобождённых стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и

¹ «Соц. законность», 1942, № 1.

² Garner, „International Law and the world War“, т. II, стр. 493.

другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии».

Таким образом дела гитлеровских преступников пройдут перед судами тех стран, на территории которых они совершали свои злодеяния. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. дела о преступлениях немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских гитлеровцев должны рассматриваться военно-полевыми судами, образуемыми при дивизиях.

Принцип территориальной подсудности не может, однако, быть единственным в делах о гитлеровских преступлениях; он должен быть восполнен другими принципами и притом в двух направлениях.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что местом совершения многих тягчайших преступлений (убийства и истязания военнопленных и насильственно вывезенных из оккупированных областей в Германию мирных граждан) служила территория Германии и её вассалов, а иногда открытое море (потопление госпитальных судов и т. д.). Для воздания за эти злодеяния «домашняя» юстиция Германии и её вассалов совершенно недостаточна. Здесь подсудность должна быть построена по другому принципу.

Ещё в ст. 228 Версальского договора устанавливалось: «Германское правительство признаёт за союзными и объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны... Германское правительство обязано выдавать союзным и объединившимся державам или той из них, которая обратится к Германии с соответствующей просьбой о выдаче лиц, повинных в совершении действий, противных законам и обычаям войны». Уточняя это положение, ст. 229 Версальского договора устанавливала: «Совершившие действия против граждан одной из союзных и объединившихся держав будут переданы военным судам этой державы».

Таким образом не германские суды, а суды того государства, чьи граждане пострадали, должны были, по Версальскому договору, рассматривать дела о преступлениях войны и в том случае, когда местом совершения этих преступлений служила территория Германии.

Эти нормы, как и все постановления Версальского договора, предусматривавшие уголовную ответственность Вильгельма и его соратников, не были проведены в жизнь, но положен-

ный в их основание принцип реальной подсудности — подсудности судам государства, чьи граждане или чьи интересы пострадали от преступлений войны, должен быть полностью воспринят и осуществлён при организации суда над виновниками гитлеровских злодеяний. Гитлеровцы, совершившие на территории Германии и её вассалов преступления против советских граждан (военнопленных, раненых и больных воинов, мирных граждан) или против интересов СССР, подлежат суду военных трибуналов СССР.

Особое положение создаётся при организации суда над верхушкой фашистской тирании, над Гитлером и его кликой. Их злодеяния столь огромны и столь бесспорны, что по существу для установления и оценки совершённых ими чудовищных преступлений нет необходимости в особой следственной и судебной процедуре. Участь Гитлера и его клики может быть решена политическим вердиктом правительств победивших демократических государств.

Декларация Сталина, Рузвельта и Черчилля «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», провозгласившая ответственность гитлеровцев перед судами тех стран, где совершались фашистские злодеяния, в заключение указывает: «Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определённым географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Неминуемая суровая и следовательно, справедливая ответственность гитлеровцев провозглашена в ряде соответствующих деклараций и актов. Гитлер и его клика получали об этом многочисленные и весьма внимательные предупреждения. Среди последних исключительную важность имеет «Заявление Советского Правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые в оккупированных странах Европы» от 14 октября 1942 г. В этом важнейшем акте Советское Правительство «заявляет во всеуслышание со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособ-

ники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершённые ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и её сообщниками».

В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями 6 ноября 1942 г. товарищ Сталин, говоря о виновниках гитлеровских злодеяний, сказал:

«Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспечённых генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов»¹.

В заявлении, сделанном в августе 1942 г., Рузвельт отметил: «Справедливость требует, чтобы они (захватчики—А. Т.) получили предупреждение (разрядка наша.—А. Т.) о том, что придёт время, когда они должны будут предстать перед судом». 12 октября 1942 г. Рузвельт снова указал: «Вожди этих стран должны помнить, что они будут судимы за свои преступления».

Наконец — и это особенно существенно — в декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля, опубликованной 2 ноября 1943 г., в интересах тридцати двух объединённых наций агрессорам сделано торжественное предупреждение: «... Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, — должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступления и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто ещё не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы на-

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, ОГИЗ, М., 1943, стр. 72.

верняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Таким образом гитлеровские преступники в полной мере предупреждены о том, что им не избежать справедливого и сурового возмездия.

В своём выступлении 13 октября 1942 г. Рузвельт заявил, что гитлеровцы будут наказаны «в соответствии с существующими человеческими законами». В связи с этим заявлением необходимо подчеркнуть, что ни один закон человеческий не может воздать Гитлеру и его клике в полной мере ими содеянного. Злодеяния гитлеровцев так неисчислимы и чудовищны, что для заслуженного ими самого сурового наказания должны быть мобилизованы наиболее тяжкие меры правосудия, какими располагает современное человечество.

Как было указано выше, дела о гитлеровских преступлениях, связанных с войной, будут разбираться военными трибуналами тех государств, на территории которых эти преступления были совершены. Солдаты, командный состав германской армии и другие лица, совершившие бесчисленные убийства, грабежи, поджоги, изнасилования и другие преступления на временно оккупированной немцами территории Советского Союза, предстанут перед военно-полевыми судами нашей страны.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, наказываются смертной казнью через повешение. Кроме того, в зависимости от особенностей отдельных дел преступления гитлеровцев могут быть квалифицируемы по статьям «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. В этом Положении и в действующих республиканских уголовных кодексах содержится ряд постановлений, на основании которых караются преступления военнослужащих в условиях войны. К ним прежде всего относятся: ст. 193²⁸ УК РСФСР (и соответствующие статьи уголовных кодексов других республик), вплоть до расстрела, карающая за «разбой, грабёж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий»; ст. 193²⁹, карающая за «дурное

обращение с пленными, имевшее место неоднократно или сопряжённое с особой жестокостью, или направленное против больных и раненых...»; ст. 193¹⁷, предусматривающая различные формы воинского злоупотребления властью, и другие.

Из общеуголовных норм, предусматривающих злодеяния гитлеровских захватчиков, необходимо прежде всего упомянуть о ст. 59³ УК РСФСР, карающей за бандитизм, о статьях 165—167 — за грабёж и разбой, 136 — за убийство, 153 — за изнасилование, 79 и 175 — за поджог и другие формы уничтожения имущества.

Таковы в основном те нормы, которыми определяется ответственность гитлеровцев по делам, подсудным судам Советского Союза.

Лишь одно «дополнительное», по терминологии республиканских уголовных кодексов, наказание должно быть ещё предусмотрено по всем делам, связанным с преступниками войны, независимо от подсудности: это — конфискация имущества осуждённых.

Известно, что даже после войны 1914—1918 гг. государственных ресурсов Германии было недостаточно для возмещения ущерба, причинённого германской агрессией. Ущерб же, нанесённый гитлеровцами свободолюбивым народам, совершенно исключителен по своим размерам и значению. Для его возмещения, возможно, недостаточны не только доходы, но и всё достояние Германии. Во всяком случае личное имущество, частная собственность грабительской гитлеровской клики и всех её пособников, обогатившихся на жертвах войны и военных преступлениях, имущество Гитлера, Геринга, Геббельса и других членов фашистской верхушки должно быть конфисковано и присоединено к общей массе имущества, предназначенного для покрытия ущерба, причинённого гитлеровской агрессией.

По ст. 23 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик конфискация имущества может быть применена лишь в случаях, особо законом предусмотренных. Необходимо учесть, что по ряду преступлений: ст. 193²⁹ (дурное обращение с пленными), ст. 167 (разбой) и др., закон в настоящее время не предусматривает конфискации имущества осуждённого. Между тем вполне реально предание гитлеровских вояк суду военных трибуналов именно по этим статьям. Поэтому необходимо специальным законом предоставить судам право конфисковать имущество

осуждённых по всем делам о преступлениях, связанных с войной.

Наконец, следует учесть, что в результате гитлеровских злодеяний остались тысячи вдов и сирот, множество людей, ограбленных гитлеровскими бандитами. Законы всех стран допускают предъявление по любому уголовному делу гражданских исков о возмещении ущерба, причинённого преступными действиями обвиняемых. Неоспоримо священное право обездоленных жертв гитлеровцев предъявлять такие иски. Поэтому за пострадавшими должно быть признано право предъявления во всех судебных инстанциях, в том числе в военных и военно-полевых трибуналах, гражданских исков о возмещении ущерба, причинённого им преступлениями гитлеровцев.

Гитлеровские убийцы и насильники, вооружённые танками, пушками, пулемётами, привыкли разделяться со своими безоружными жертвами — мирными жителями и военнопленными. Пусть же они сами, обезоруженные и презренные, снова встретятся со своими жертвами или с их близкими, вооружёнными защитой и сочувствием всего человечества.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЗАИМОПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

После военного разгрома гитлеровской Германии и её вассалов перед свободолобивыми народами возникнут в сфере уголовной политики две задачи: организация суда над гитлеровцами и создание в числе других также уголовно-правовых гарантий против рецидива гитлеризма в какой бы то ни было форме. Совершенно необходимое условие для надлежащего разрешения этих обеих важнейших задач — организация взаимопомощи государств в борьбе с международными преступлениями.

Выше было указано, что уже существует и поныне действует ряд международных конвенций по борьбе с некоторыми общеуголовными преступлениями: торговлей наркотиками, подделкой денег, торговлей порнографическими произведениями и т. д. Совершенно очевидно, что согласованная борьба государств с международными преступлениями — с посягательствами на основы международных отношений, на мир, на меж-

дународный правопорядок — неизмеримо важнее согласования средств борьбы с общеуголовными деликтами. Разработанный Лигой наций проект конвенции по борьбе с терроризмом явился первым робким шагом на пути к разрешению этой задачи, не давшим, однако, результатов вследствие бессилия Лиги наций.

Тяжёлый опыт гитлеровской войны решительно меняет положение. Закалённое в боях единение свободолюбивых народов, всемерно заинтересованных в ограждении человечества от рецидива фашистской агрессии коричневой или иной окраски, должно последовательно вести к координации средств борьбы миролюбивых государств с разрушителями международного правопорядка.

В системе этих действенных мероприятий определённую роль должна сыграть и координированная деятельность государств в борьбе с международными преступлениями.

В заявлении Советского Правительства от 14 октября 1942 г. сказано: «Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддержать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории»¹.

Координированная деятельность должна прежде всего найти своё выражение в определении и установлении круга международных преступлений, т. е. преступлений, в борьбе с которыми заинтересованы не только отдельные государства, но и все свободолюбивые народы. Система таких преступлений была изложена выше. В соответствии с этой системой и с теми изменениями, которые может внести послевоенная обстановка, международными преступлениями должны быть объявлены хищнические агрессивные действия, пропаганда агрессии, заключение блоков, направленных к подготовке аг-

¹ «Известия», 15 октября 1942 г.

рессий, нарушение договоров, служащих делу мира, наконец, терроризм как метод провокации войн и организация вооружённых банд. Далее, международными преступлениями должны быть также объявлены все способы ведения войны, нарушающие установленные законы и обычаи войны.

Следствие, суд и наказание лиц, виновных в совершении названных международных преступлений, должны осуществляться в особом порядке, предусмотренном специальной конвенцией об ответственности за международные преступления. Эта конвенция должна войти в общую систему договоров, которые определяют новый строй международных отношений после разгрома гитлеризма. В конвенции необходимо предусмотреть ряд конкретных мер взаимопомощи государств в борьбе с международными преступлениями, в первую очередь в борьбе с преступлениями гитлеровцев.

В число этих мер прежде всего должно войти урегулирование порядка выдачи преступников. Действующие договоры и национальные законы о выдаче преступников совершенно недостаточно обеспечивают эффективность борьбы с представляющими грозную опасность международными преступлениями. Эти законы скорее представляют собою систему заграждений против выдачи преступников.

Так, по общему правилу, за некоторыми исключениями, государства отказывают в выдаче своих граждан. Неудача попыток привлечь к суду виновников первой мировой войны убедительно показала, что ныне действующему национальному законодательству не может принадлежать примат в разрешении вопроса об основаниях и порядке выдачи. Как было указано выше, вопреки постановлениям Версальского договора, Германия отказалась выдать ряд лиц по требованию союзных государств, ссылаясь именно на то, что германские законы не допускают выдачи своих граждан. Совершенно понятно, что и подобное положение нетерпимо и повторено быть не может.

Разработанным Лигой наций проектом конвенции по борьбе с терроризмом в традиционный порядок выдачи преступников вносились некоторые существенные изменения: согласно ст. 9 § 1 этого проекта террористические акты подлежали включению в качестве так называемых «экстрадиционных» преступлений (т. е. преступлений, по которым допускается выдача) во всякий договор о выдаче, который был заключён или будет заключён между договаривающимися сторонами. Со-

гласно ст. 9 § 2 проекта государства, которые вопрос о выдаче не ставят в зависимость от специальных соглашений, отныне должны выдавать лиц, повинных в совершении террористических актов. Однако в ст. 9 § 3 проекта содержалось другое постановление: «Выдача должна допускаться согласно законам страны, к которой сделано обращение о выдаче». Таким образом вопрос снова решался согласно национальному законодательству, явно не соответствующему требованиям борьбы с международными преступниками.

Виновники гитлеровских злодеяний, где бы они ни находились, в какие бы щели ни прятались, должны быть оттуда изъяты и предстать перед судом. «Пусть те, кто ещё не обогрил своих рук невинной кровью, — провозглашает декларация Сталина, Рузвельта и Черчилля от 2 ноября 1943 г., — учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Далее, в интересах борьбы с международными преступлениями должно быть отменено другое ныне действующее положение — ограничение компетенции суда рассмотрением лишь тех обвинений, которые послужили основанием к выдаче. При подведении итогов уголовных преступлений фашистского генералитета вполне возможны случаи, когда список числившихся за гитлеровцами злодеяний в момент требования о выдаче пополнится на следствии или на суде данными о вновь раскрытых злодеяниях. Заранее ставить формальные преграды всестороннему разоблачению и наказанию гитлеровских преступников значило бы создавать правосудию серьёзные затруднения и тем самым препятствовать нещадной борьбе с гитлеризмом.

По этим соображениям в будущем международном акте, который определит основание и порядок суда над гитлеровцами, должны быть установлены: а) безусловная обязанность выдачи виновных в совершении международных преступлений тому государству (или международному либо смешанному трибуналу), юрисдикции которого данное лицо подлежит, независимо от гражданства обвиняемого, и б) предоставление права судить выданных лиц за все преступления, установленные следствием и судом, а не только за преступления, указанные в требовании о выдаче.

Некоторые конкретные шаги к надлежащему разрешению вопросов о праве убежища и обязанности выдачи лиц, повинных в преступлениях войны, уже сделаны. 29 июля 1943 г. Советское Правительство направило турецкому и шведскому правительствам ноту следующего содержания:

«В связи с событиями в Италии и возможностью того, что Муссолини, видные фашисты и другие преступники войны могут попытаться укрыться на нейтральной территории, чтобы избежать ожидающей их ответственности за совершённые преступления, Правительство Союза ССР обращается к нейтральным странам с призывом не предоставлять убежища никому из упомянутых выше лиц. Советское Правительство считает необходимым также заявить, что оно будет рассматривать предоставление убежища, помощь или содействие таким лицам, как нарушение принципов, за которые борются объединённые нации и которые они решили осуществить всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»¹.

На одной из пресс-конференций в Вашингтоне Рузвельт указал, что «правительство США рассматривало бы предоставление убежища руководителям оси или же лицам, служившим их орудием, как действие, несовместимое с принципами, ради которых борются объединённые нации. Правительство США надеется, что ни одно нейтральное правительство не разрешит использовать свою территорию в качестве убежища или для оказания другой помощи таким лицам»².

Англия всецело разделяет позицию СССР и США в этом вопросе. Британский министр иностранных дел Иден, отвечая в палате общин 3 августа 1943 г. на вопрос, «будет ли любой акт нейтралов в смысле предоставления ими убежища или защиты Муссолини и другим преступникам войны расцениваться, как явно недружественный акт», сказал: «Я могу ответить формулировками, согласованными с правительствами США и России, и я не желаю их изменять»³.

Наконец, необходимо учесть, что с привлечением к суду по обвинению в совершении международных деликтов, с преданием суду гитлеровцев за все учинённые ими чудовищные преступления, связано производство ряда следственных действий, допрос обвиняемых и свидетелей, изъятие документов, обыски, аресты и т. д. В интересах правосудия и самой дей-

¹ «Известия», 31 июля 1943 г.

² Там же.

³ «Известия», 5 августа 1943 г.

ственной борьбы с гитлеризмом необходимо в будущей конвенции обеспечить пути и возможности, ведущие к всестороннему раскрытию совершённых гитлеровцами тягчайших преступлений. Для этого необходимы мероприятия двух родов. Во-первых, органам, ведущим следствие по международным преступлениям, должно быть предоставлено право производить следственные действия на территории Германии и всех её вассалов. Во-вторых, следственные органы любого государства обязаны исполнять отдельные поручения органов, которые будут вести следствие по делам о международных деликтах.

Необходимо также заблаговременно принять координированные меры к обеспечению безусловного и своевременного исполнения приговоров по делам о международных преступлениях. Конечно, порядок исполнения приговоров, вынесенных международным трибуналом и смешанными трибуналами (если таковые будут организованы), будет установлен особыми положениями об этих трибуналах. Равным образом исполнение приговоров, вынесенных национальными судами, будет определяться национальным законодательством. Однако независимо от этого возникает общий вопрос об обеспечении исполнения приговоров по делам о международных преступлениях в тех случаях, когда приговор должен исполняться не на территории того государства, суд которого вынес приговор.

Вопрос о силе приговора, вынесенного судом одного государства на территории другого государства, не раз обсуждался на международных конгрессах. В 1910 г. международный пенитенциарный конгресс в Вашингтоне принял по этому вопросу следующую резолюцию: «Подданный, осуждённый за общеуголовное деяние за границей, должен подлежать в своём отечестве всем ограничениям и праволишениям, которым он подвергся бы, если бы был осуждён в своём отечестве». Таким образом ещё в 1910 г. (и даже ещё раньше — в 1895 г.) был признан принцип обязательности иностранного приговора в части «ограничений и праволишений». Правда, в резолюции Вашингтонского конгресса добавлялось: «При современном состоянии международного права конгресс не требует, чтобы эти ограничения и праволишения явились непосредственным результатом иностранного приговора, но предлагает, чтобы они были применяемы в порядке особого процесса

судами того государства, подданным которого осуждённый является».

Как мы видим, Вашингтонский конгресс предлагал особую процедуру исполнения иностранного приговора, по существу обязательного, но осуществляемого в порядке особого национального процесса, призванного как бы визировать приговор иностранного суда. Необходимо, однако, учесть, что эта резолюция вынесена несколько десятков лет тому назад и притом по делам об общеуголовных преступлениях. В современных условиях, после опыта гитлеровской войны, следует вполне отчётливо — в порядке международного соглашения — установить, что приговоры государства по делам о гитлеровских злодеяниях обязательны к исполнению всеми государствами, примкнувшими к этому соглашению.

В первую очередь, конечно, возникает вопрос об исполнении Германией и её вассалами приговоров, вынесенных по делам гитлеровцев. Так, например, если по приговору трибунала должно быть конфисковано имущество осуждённого, находящееся в Германии, то германские органы обязаны произвести конфискацию и направить конфискованное имущество по назначению, указанному в приговоре. Надзор за выполнением этого правила и других аналогичных правил, регулирующих ответственность Германии по указанным делам, должен лежать на союзных странах, перед которыми Германия примет на себя соответственные обязательства.

**

Дорогой злодейства шла вся политическая и военная история опруссаченной Германии. Неслыханными злодеяниями усеян весь путь следования гитлеровских банд от германской границы до стен героического Сталинграда. Во времени и в пространстве долгими десятилетиями и тысячами километров измеряется эта дорога зверских преступлений, но теперь она у своего предела. У Гитлера и гитлеризма теперь один путь — путь к гибели, который с каждым часом становится короче.

Судьбу гитлеровского государства определил товарищ Сталин в своём историческом докладе 6 ноября 1942 г. «Наша первая задача в том именно и состоит, — сказал товарищ

Сталин, — чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей»¹.

Так сказал товарищ Сталин. Так должно быть и так будет.

Идёт уголовный суд, суровый и непреклонный. Он в полной мере воздаст гитлеровцам за учинённые ими злодеяния.

Идёт суд истории, неотвратимый и грозный. Он до основания разрушит разбойничью, пропитанную подлым пруссачеством машину гитлеровской тирании.

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, ОГИЗ, 1943, стр. 71.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Отечественная война и проблема международной уголовно-правовой ответственности	3
Глава вторая. Преступления немцев в первую мировую войну и Версальский договор	13
Глава третья. Понятие международного преступления	23
Глава четвертая. Система международных преступлений	35
Глава пятая. Преступления гитлеровцев против мира	41
Глава шестая. Преступления гитлеровцев, связанные с войной	45
Глава седьмая. Субъект международного преступления. Гитлеровцы как субъекты международных преступлений	70
Глава восьмая. Соучастие в международных преступлениях. Гитлеровская клика	78
Глава девятая. Подсудность дел о гитлеровских преступлениях	92
Глава десятая. Ответственность гитлеровцев	95
Глава одиннадцатая. Взаимопомощь государств в борьбе с международными преступлениями	99

ЕВ_1944_AKS_1152

Редактор *П. С. Мальцман.*

Подписано к печати 29/VII 1944 г.

Печ. л. 6³/₄. Уч.-изд. л. 7,9

В. печ. л. 40590 зн. Л 73959 Зак. 7651

Тираж 10 000 экз. Цена 4 р.

Центральн. тип. НКО СССР, имени
К. Е. Ворошилова.

